

ЮРИЙ СЛЕЗКИНЬ

РАЗНЫМИ ГЛАЗАМИ

Романъ

(Изъ жизни современной Россіи)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ”
ПАРИЖЪ
1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ”

“ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА”

Серія I

“БЕЛЛЕТРИСТЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ”

Эта серія, отметая все тенденціозное, всю “совѣтскую литературу” въ специфическомъ смыслѣ этого слова, даетъ подлинно литературные и художественные произведения писателей, живущихъ въ Совѣтской Россіи.

Вышли изъ печати:

№ 1. М. Зощенко. Веселая жизнь.	2. 50
№ 2. Бабель. Король.	2. 50
№ 3—4. П. Романовъ. Любовь.	3. 50
№ 5. А. Соболь. Княжна.	2. 50
№ 6. Л. Сейфуллина. Налетъ.	2. 50
№ 7—8. М. Зощенко. О чёмъ пѣлъ соловей.	3. 50
№ 9. А. Невѣровъ. Въ садахъ.	2. 50
№ 10—11. А. Яковлевъ. Женихъ полночный.	3. 50
№ 12. П. Романовъ. Весна.	2. 50
№ 13—15. А. Толстой. Голубые города.	5.—
№ 16. П. Романовъ. Первая любовь.	3.—
№ 17—19. К. Фединъ. Наровчатская хроника	4. 50
№ 20—21. Л. Леоновъ. Гибель Егорушки.	3. 50

ЮРИЙ СЛЕЗКИНЪ

РАЗНЫМИ ГЛАЗАМИ

Р о м а нъ

(Изъ жизни современной Россіи)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ”
ПАРИЖЪ
1927

РАЗНЫМИ ГЛАЗАМИ

Къ читателю.

Что подвигнуло меня писать этот романъ, избравъ такую невыгодную для автора форму — форму записокъ и писемъ нѣсколькихъ лицъ?

Прежде всего наличіе у меня такихъ записокъ и писемъ, гдѣ случайно говорится объ одномъ и томъ же человѣкѣ. Вчитываясь въ нихъ, я впервые особенно остро почувствовалъ относительность сужденій о чёмъ бы то ни было, безцѣльность попытки дать непререкаемую характеристику. Сколько глазъ — столько и представлений. Не только внутренняя сущность человѣка, но и вицѣній его обликъ мѣняется въ зависимости отъ того, кто на него смотрить.

Даже самихъ себя мы познаемъ въ разную пору — по разному.

Когда эта мысль приняла осозаемую форму, я нашелъ еще одинъ поводъ, приведшій меня къ созданію этой вещи. Почти вся міровая литература въ лучшихъ своихъ образцахъ даетъ намъ галерею типовъ и характеровъ — чѣмъ сильнѣе талантъ писателя, тѣмъ убѣдительнѣй его собственное отношение къ героямъ. Мы вѣримъ писателю на слово и не пытаемся взглянуть на его созданія собственными глазами.

Я не оспариваю правъ художника, особенно, если онъ мастеръ. Но мнѣ хотѣлось бы однажды вступиться за права читателя. Я хотѣлъ бы, чтобы онъ видѣлъ моихъ героевъ своими глазами.

Испытанныя формы романа связывали меня въ моемъ намѣреніи. Онѣ заставили бы меня, въ мѣру моихъ силъ, дать точный внутренній и вицѣні-

ній обликъ моихъ героевъ, объяснить ихъ поступки, то-есть навязать мое индивидуальное о нихъ представлениe (хотя бы очень яркое) — читателю. Цѣль не была бы достигнута — я пошелъ бы ей наперекоръ.

Подлинная жизнь подсказала мнѣ выходъ — передо мной лежали скромныя письма живыхъ людей. Что, если взявъ эти письма въ основу, я покажу тѣхъ или иныхъ героевъ, отдавъ ихъ на судъ другъ другу. Тѣмъ самымъ не упуская изъ рука своихъ развитія интриги, стройки фабулы, что является неотъемлемымъ правомъ романиста, я въ многообразіи характеристикъ моихъ героевъ, данныхъ самими дѣйствующими лицами, предоставлю полную свободу творчества читателю, — онъ самъ надѣлитъ ихъ плотью и кровью и тѣми душевными качествами, какія на его взглядъ имъ болѣе всего присущи.

Принявъ такое рѣшеніе, я лишь систематизировалъ живой матерьялъ, который у меня былъ, и сейчасъ представляю его на судъ читателя, какъ любопытный фрагментъ мимо текущей, подлинной жизни.

Юрій Слезкинъ.

1925 г., іюнь, Коктебель.

Сознанье — вспышка молний въ ночи,
Черта аэrolита въ атмосферѣ,
Пролеть сквозь пламя вздутаго костра
Случайной птицы, вырванной изъ бури
И вновь нырнувшей въ снѣжную мятель.

М. В о л о ш и н ъ. “Космосъ”.

I

**Марія Васильевна Угрюмова — Николаю
Васильевичу Тесьминову**

(Записка, пересланная черезъ прислугу)

Москва. 27 апрѣля.

Бѣдный, бѣдный мой другъ, пишу Вамъ на-
спѣхъ, въ суетѣ, среди раскрытыхъ, уложенныхъ
чемодановъ и только нѣсколько словъ Вамъ въ
догонку. Хочется еще разъ ободрить Васъ, ска-
зать — берегите себя, свою душу, свою непутевую
голову. Все еще, какъ шальная, послѣ нашего
свиданія, все еще пытаюсь что-то досказать, вдол-
бить Вамъ. Понимаю, что тяжко, но здѣсь Вы изъ
этой путаницы не выберетесь — уѣзжайте, уѣз-
жайте скорѣе. Издали всегда виднѣе. Я буду око-
ло Васъ и даю Вамъ слово, охраню Вашъ покой.
Вѣдь Вамъ же обѣщанъ мѣсяцъ въ домѣ отдыха
“Кириле”. Тамъ чудесно — Вы станете другимъ
чловѣкомъ, и она, — Варя, — многое пойметъ
за тотъ мѣсяцъ. Мы, женщины — глупыя, насы-
учить только время, а не слова. У Васъ съ Ва-
рей долгіе годы общихъ страданій — это не за-
бывается. Она упрямая, но не зла, и любитъ Васъ

ио-своему. Оба вы виноваты. Уѣзжайте. А о Танѣ не бойтесь — она дѣвочка, у нея все впереди, горе въ молодости остро, но скоропрeходящe. Будьте тверды — уѣзжайте. Я буду Васъ ждать — “Ай-Джинъ” рядомъ съ “Кириле”.

Марія.

II

Экономистъ, ученый статистикъ Антонъ Герасимовичъ Печеныхъ—женѣ своей въ Харьковъ

Домъ отдыха “Кирилѣ”, 10 мая.

Дорогуленъка моя, дружечешечекъ мой, вотъ я и на санаторномъ положеніи. Пріѣхалъ въ “Кириле” ровно въ 8 часовъ 27 минутъ вечера (посмотрѣлъ на часы, чтобы провѣрить скорость пробѣга автомобиля). Ъхали мы отъ Севастополя ровно пять часовъ восемнадцать минутъ съ заѣздомъ въ Алупку, гдѣ скинули двухъ пассажировъ — одинъ въ очкахъ, весь въ нарывахъ, страшно противно сморкался за моей спиной, что мѣшало мнѣ спокойно любоваться красотами природы изъ боязни заразиться. Я хотя первый занялъ заднее мѣсто въ Крымкурсо (такъ здѣсь называютъ автомобили), однако уступилъ дамѣ (ты знаешь мою деликатность), а самъ пересѣлъ къ шоферу. Оказался человѣкъ не пьющий, къ моему удивленію, и очень свѣдущій. Я съ его словъ ознакомился съ мѣстными обычаями, впрочемъ, мало интересными. Только одно досадно, изъ какой-то трубочки капало масло, я по близорукости сразу не замѣтилъ, потомъ вижу — на брюкахъ, чуть ниже колѣна — два жирныхъ пятна. Не знаешь ли, чѣмъ вывесть — пришли, не забудь, рецептъ.

Погода стояла прекрасная,—двадцать три градуса по Реомюру (сказалъ шоферъ), но только

пыль, этакая мелкая, вродѣ муки, портила впечатлѣніе. Все же не упустилъ ничего интереснаго, точно свѣряясь по путеводителю (купилъ въ Севастополѣ, называется "Крымъ", очень любопытно составленный).

Отъ Севастополя до "Кириле" по шоссе 71 верста. Стоитъ 10 рублей съ пассажира. На пароходѣ дешевле, но при слабости моего здоровья побоялся качки, а еще нужно взять въ расчетъ время ожиданія отъ прибытія поѣзда до отхода парохода, — оно бы и вышло одно на одно, считая съ обѣдомъ и лишними носильщиками. А къ тому же виды! Мнѣ еще въ вагонѣ разсказывали — прямо не повѣришь!

Только сначала мнѣ не понравилось — городъ по Гоголевской улицѣ судя — неудобный, а по выходѣ на шоссе — каменистая однообразность (такъ и въ путеводителѣ сказано). На третьей верстѣ влѣво отъ шоссе близъ города Сапунъ виднѣется англійское кладбище — на немъ много зелени. За шестой верстой справа недалеко отъ шоссе видно французское кладбище — на немъ много зелени. Здѣсь погребено около 90.000 человѣкъ (по путеводителю). Но съ 21-й verstы я уже понялъ восторгъ, даже сзади — въ очкахъ пересталъ сморкаться. Совершенно исключительное зрѣлище! — представь себѣ голубое небо, автомобиль несетя внизъ, а по сторонамъ ущелье, совершено какъ мы видѣли съ тобой въ "Демонѣ". Все въ лѣсахъ. Я только торопился протирать пенснѣ. За ущельемъ открывается "Кучукъ - Мускомская долина". Тутъ мы стали подниматься, а потомъ на холостомъ ходу (такъ называетъ шоферъ, когда машина идетъ съ выключеннымъ радиаторомъ) спустились въ Байдарскую долину.

Здѣсь мы остановились набрать воды въ на-

сось передъ кафе-столовой. Нѣкоторые вышли за-
кусить, но я уклонился, ожидая въ "Кириле" ужи-
на, и прошелся заглянуть на жизнь мѣстнаго насе-
ленія. Дворики, крохотные, меньше нашихъ сум-
скихъ, дома же съ балкончиками безъ сѣней. Жен-
щины положительно всѣ уроды, такъ-что, дѣту-
ленька, въ романахъ и въ голову не приходитъ. Ты,
вѣдь, у меня ревючая! Я какъ разъ думалъ, хоро-
шо бы съ тобою вмѣстѣ все это видѣть. Шоферъ
мнѣ объяснилъ, что хотя татары магометане, одна-
ко у всѣхъ по одной женѣ, такъ какъ держать боль-
ше дорого стоитъ, значитъ и тутъ совершенно какъ
у насъ.

Но что меня привело въ трепетъ, такъ это
"Байдарскія ворота". Умопомрачительно! Нароч-
но выписываю изъ путеводителя:

"Байдарскія ворота построены въ 1848 году
(годъ Парижской Коммуны. А. П.) и
пользуются широкой извѣстностью за свое очень
эффектное положеніе: они расположены на са-
момъ краю крутого склона, почти обрыва къ мо-
рю. За воротами сразу открывается грандіоз-
ный видъ на южный берегъ и море".

Но здѣсь нужно было бы перо Гоголя или Не-
мировича-Данченко (помнишь его "Забытая Крѣ-
пость"? Правда, тамъ дѣйствіе на Кавказѣ, но все
равно).

Отсюда мы пустились выписывать такие крен-
деля вниэть, что я только держался за шляпу, даже
пенснѣ протирать не могъ. Боюсь сорвать, но не
меньше семи разъ были на краю гибели при по-
воротахъ — шоферъ это называетъ — "кренъ".
При моей нервности такое выдержать трудно, такъ
что когда влетѣли въ тоннель, я сталъ кричать, но

послѣ все объяснилось къ общему удовольствію. До самой Алупки хали со смѣхомъ, вспоминая приключенія. Въ краткихъ словахъ — совершенно, такъ въ кинематографѣ заграничной фильмы.

Такъ что всю феериность описать не берусь. И все время по правую руку море перловаго цвѣта (помнишь картины Айвазовскаго въ музѣѣ Александра III-го?). Шоферъ объяснилъ мнѣ, что цвѣтъ моря зависитъ отъ подводной растительности и атмосферическаго давленія, но я ему не очень вѣрю, такъ какъ почему оно бываетъ такое синее? — въ путеводителѣ это, навѣрно, объяснено подробно.

Сдѣлалъ еще одно странное наблюденіе. На остановкѣ (мѣняли шину) сорвалъ цвѣты вродѣ пашихъ колокольчиковъ, только больше, другого цвѣта и стоящіе торчкомъ. Сѣвъ на мѣсто, понюхалъ и удивился. Даже какъ-то неловко стало (ты знаешь, какой я стѣснительный), — но были одни только мужчины, такъ что сомнѣваться не приходилось — цвѣты эти пахнутъ женщиной. Очень странно! Я нарочно спряталъ и съ этимъ письмомъ посыпалъ тебѣ.

А отъ Алупки насъ только двое осталось — я да музыкантъ одинъ, композиторъ, назвался Тесьминовыимъ. Музыки его я что то не слыхалъ, самъ же, видимо изъ породы хлыщей, верхолетовъ — несимпатичная физіономія, знаешь — съ манерами такими. Тоже въ “Кириле”. Ну да вѣдь теперь кто-только не знаменитъ! Настоящихъ людей, ученихъ, въ грошъ не ставятъ, а все больше скоро зпѣлками да наглецами пробавляются. Я, конечно, со свойственной мнѣ учтивостью началъ было выражать ему свой восторгъ передъ видами, такъ онъ хоть бы что! Совершенно не чувствителенъ къ красотамъ! Только и услышалъ отъ него: “да, говорить — ничего”. А еще человѣкъ искусства, Богъ

съ нимъ! Одно обидно, когда вылѣзали передъ дворцомъ — будто бы онъ одинъ и пріѣхалъ. Ахъ, Тесьминовъ! охъ, Тесьминовъ! Конечно, потомъ все выяснилось: Барышни и дѣвицы со скуки дохнутъ, а потанцоватъ не подо что.

Мнѣ комнату отвели съ художникомъ Крайницкимъ (тотъ самый!) и еще двумя врачами — пріятные люди. Я съ ними долго и плодотворно бесѣдовалъ на сонъ грядущій.

Ну, роднююсенька моя, на этотъ разъ довольно — и такъ одиннадцать страницъ отмахаль, самъ удивляюсь. На слѣдующій случай стану тебѣ отсылать вродѣ дневника со всѣми подробностями, а теперь цѣлую мою кокосъ въ любимую рожинку и остаюсь любящій Кутикъ.

P. S. А вотъ ты и не знаешь, почему я тебя кокосъ назваль! Это по-татарски значитъ — голубые глаза, голубоглазка! Вотъ что, кокосикъ мой, безцѣнненеенькій!

P. P. S. Не забудь рецептъ прислать отъ пятна — очень беспокоюсь!

III

**Ученый агрономъ Наталія Максимовна
Думко — врачу Надеждѣ Ивановнѣ Ольгиной**

(Записка, переданная за табльдотомъ въ “Кириле”, 11 мая).

Обратите вниманіе. Тесьминовъ снова отсутствуетъ. Я возмущена. А вы? Здѣсь кроется какая-то тайна — предлагаю установить планомѣрный розыскъ. Я уже предприняла кое-что. Дѣйствуйте! Единственный интересный человѣкъ — и тотъ исчезъ. Безобразіе!..

Н. И. Ольгина — Н. М. Думко

(На обратной сторонѣ записки отвѣтъ Ольгиной).

Я согласна. А какъ же тенись? Откладывает-ся? Я атакую сосѣда справа — онъ болтливъ и любопытенъ — разнюхаетъ. Не кажется ли вамъ, что мы похожи сейчасъ на провинціальныхъ барышень, ловящихъ кавалеровъ? Это даже забавно.

IV

Профессоръ Михаилъ Андреевичъ Угрюмовъ —
женѣ Маріи Васильевнѣ Угрюмовой въ “Ай-Джинъ”
Москва, 12 мая.

Марисенька, Марисенька, опять ты меня мучаешь. Ни слова, кромѣ странныхъ телеграммъ. Я нервничаю почему-то со вчерашняго вечера невозможнo.

Дорогая моя, такъ много, какъ - будто, говорили обо всемъ, много путей намѣчали. Знаешь, что я могу дать, знаю, что ты мнѣ можешь дать. Зачѣмъ же опять мучаешь молчаніемъ и тревожными телеграммами? Хоть двумя, tremя словами давай знать о себѣ и о дѣтяхъ, аккуратно присылай хоть двѣ — три строчки. Если же мучаешься, если не въ силахъ справиться со своими терзаніями, — брось все и пріѣзжай — попробуемъ вмѣстѣ какъ-нибудь еще разъ найти лучшій исходъ.

Въ прошломъ году я говорилъ тебѣ, говорю и сейчасъ — у тебя есть всѣ данные, чтобы быть счастливой женщиной — сумѣй ею быть.

Писать не могу больше. Измученъ, усталъ, путаются мысли. Одного прошу — пожалѣй сеby, меня, малышей. Цѣлую.

P. S. Сейчасъ думаю, какъ нехорошо, какъ глупо было тебѣ ѻхать въ Крымъ.

Изъ Записокъ Антона Герасимовича Печеныхъ

V

“Кирилле”, 12 мая.

Чтобы не забыть: отвратительный подаютъ намъ къ чаю шоколадъ. Откуда только выкопали? Определенно, завѣдующій — жуликъ. Мнѣ передавали за достовѣрное, что онъ все тащить къ женѣ завѣдующаго виннымъ складомъ, который теперь въ Москвѣ. Она тоже не дура. Живетъ въ Ай-Джинѣ, держитъ столовниковъ — кормить ихъ на казенный счетъ. Недавно видѣлъ ее на пляжѣ — костистая, но все же не дурна, сознаюсь, особенно со спины. Третьяго дня рассказывали — устроила ему истерику — всю ночь не давала спать профессору Кашкину (онъ съ супругой для удобства живетъ не въ санаторіи, а во флигелѣ Ай-Джинскомъ). А почему истерика? Къ любовнику, видите-ли, прїехала невѣста! Потѣха! Вообще, чего не дѣлается!

Мнѣ тоже еще эти барышни двѣ — агрономша и докторша — надоѣли до смерти. За столомъ черезъ каждыя два слова смѣются. Какой можетъ быть отдыхъ послѣ этого? Теперь у нихъ тема — Тесьминовъ. Прямо противно! А я до него докопаюсь! Типъ несомнѣнно подозрительный. Я этихъ красавчиковъ знаю. Особенно они отвратительны, если выглядятъ моложе своихъ лѣтъ (несомнѣнно, признакъ легкомыслія). Поселился этотъ музыкантишко тоже въ Ай-Джинѣ, хотя совершен-

но одинъ, но вотъ представьте, не пожелалъ жить совмѣстно съ другими отдыхающими. Тутъ, безусловно, нечисто! Можетъ и мнѣ удовольствія нѣтъ ночевать самъ-четыре. Однако, мирюсь.

Говорятъ, будуть въ скорости москиты кусать, но самое поразительное и достойное быть отмѣченнымъ то, что, кусая пребольно, остаются невидимы для невооруженного глаза.

VI

**Молодой ученый, врачъ Василій Савельевичъ
Ждановъ — товарищу, врачу-венерологу
Федору Константиновичу Курдюмову
въ Ленинградъ**

“Кириле”, 16 мая.

Ты ужъ на меня, братишка, не серчай за долгое молчаніе — самъ знаю, виноватъ. Облѣнился въ конецъ — пожалуй, только во вредъ мнѣ отыхъ.

Лежу на камушкахъ голый, жмурюсь на солнце и не пойму — откуда у меня такія дурацкія мысли: будто вотъ сейчасъ встану и пойду домой чай пить, а дома меня ждетъ жена и похожа она на нашу фельдшерицу Анчутину.

Или еще этакое: никакихъ КУБУ, диспансеровъ, здравотдѣловъ, клиникъ, лабораторій — нѣтъ, городовъ тоже нѣтъ — а кругомъ дичь, пустыня, лѣсь, море — и словъ никакихъ человѣческихъ не знаю — только мычу, нюхаю воздухъ — смолой пахнетъ, солью — силища въ мускулахъ лошадиная, кажется — прыгну, саженей пять перемахну. Чепуха, конечно, — а вотъ до того пріятно, что сказать нельзя. Много у насъ все-таки звѣринаго осталось — чуть ближе къ землицѣ, къ солнцу, какъ тотчасъ же всякие тамъ культурные навыки къ чорту. Хотя, что же тамъ говорить — поскреби меня, тебя, другихъ нашихъ ребятъ — дикари. И очень я этому радъ — дикарь прежде всего раціоналистъ, безбожникъ, у него все на потребу. Вотъ мы и культуру тоже къ себѣ приспособимъ,

а фетишей, отвлеченности, идеализмъ — къ чорту. Въ этомъ — наша сила. И вовсе это не цинизмъ — въ цинизмѣ всегда большая доля рисовки, упадочничества, — а напротивъ, вѣра въ себя. Развѣ дикарь можетъ быть циникомъ? У него нѣтъ стыда, но есть здоровый инстинктъ — право же, это во много разъ лучше. А ежели ко всему прибавить наши точныя знанія, такъ мы такого понадѣлаемъ...

Нѣтъ, хорошо все-таки, иногда, вотъ такъ, на солнцѣ голымъ полежать — если и завелась случайно въ башкѣ труха какая — всю вѣтромъ выдуется.

Ты все-таки меня не крой — вотъ увидишь, пріѣду — зубами въ работу вгрызусь, а сейчасъ — отдыхъ, такъ ужъ отдыхъ.

Бѣдилъ вчера верхомъ — лошаденка на видъ паскудная, какъ припустила въ гору — только держись.

Помнишь, весну девятнадцатаго года подъ Екатеринославомъ? Иной разъ самому себѣ не вѣришь, какъ это такъ случилось, что живу я въ палатахъ, сплю на пружинной кровати, ъмъ по звонку пять разъ на день — отдыхаю. Неужто и моя крупица приложена къ тому, что сейчасъ нашъ братъ можетъ отдохать, учиться, думать. Чудеса! Вѣдь мы же девять лѣтъ провели на ногахъ — только продрался въ университетъ, какъ тотчасъ же — винтовка, конь, переходы, переправы, — на-чеку каждая минута. И какой гулъ, какой шумъ, какая человѣческая лавина протекла передъ моими глазами. Чего только на ходу не передѣлано.

Помнишь, когда я зывѣдывалъ на образомъ въ Нѣжинѣ, мнѣ приходилось винтовку ставить въ углу своего кабинета. А стѣнгазета, которую

мы набирали подъ обстрѣломъ въ сошедшемъ съ-
рельсъ агитпоѣздъ! А партійное совѣщаніе въ-
затонувшей баржѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, ког-
да мы даже понятія не имѣли, въ какую сторону
ушли наши части, и всѣ наши эвакуированныя уч-
режденія состояли изъ нась самихъ — пяти завовъ!

Надо сознаться, мы надѣлали по молодости
по спѣшкѣ, по излишнему рвенію — немало глуп-
остей за эти годы. Не жалѣя себя, мы еще мень-
ше жалѣли другихъ, мы слишкомъ надѣялись на
свои силы и свою партійную непогрѣшимость, мы,
навѣрно, казались подчасъ очень смѣшными, само-
увѣренными недоучками (да что грѣха таить, такъ-
оно и было въ самомъ дѣлѣ) — но вотъ же правы-
ми оказались все-таки мы, потому что здоровый ин-
стинктъ дикаря вывелъ насъ изъ такихъ дебрей,
гдѣ бы любой культурный человѣкъ давно сгинулъ.

И вотъ я снова въ лабораторіи, снова у анато-
мического стола, но уже какъ хозяинъ жизни. Пра-
во, когда обѣ этомъ подумаю, то начинаю смѣять-
ся отъ радости, какъ дуракъ. Этого никогда не
сумѣеть понять человѣкъ, шедшій только путемъ
учобы, интеллигентъ старой формациіи. Для него
наука тоже какое-то священнодѣйствіе, культура, а
не черная, полезная работишко.

Я тутъ ихъ успѣль понаблюдать вдоволь — и
старыхъ идеалистовъ-народниковъ, и просто про-
фессионаловъ - ученыхъ, и “отрицающихъ”, и “прі-
емлющихъ”. Всѣ они на одну мѣрку и всѣ они
смотрятъ на насъ (такихъ, какъ я, здѣсь пять-
шесть человѣкъ) съ испуганнымъ любопытствомъ.
А право же, мы не кусаемся и даже за табльдотомъ
держимъ себя, “какъ истые европейцы”. Но что
же подѣлаешь, если науку мы не можемъ отдеѣлить
отъ жизни, при чёмъ у насъ первая служитъ вто-
рой, а не обратно.

Съ однимъ я тутъ разговаривалъ по-дружески, онъ, правда, не ученый, а музыкантъ — эти люди искусства народъ болѣе легкій, идеология у нихъ хромаетъ на всѣ четыре ноги, но зато они хоть способны понимать другихъ. Зовутъ его Тесьминовымъ. Онъ, кажется, въ своей области спецъ, и не изъ послѣднихъ. Мы лежали рядомъ на пляжѣ и по голому своему положенію разговорились на чистоту. Помыкался онъ въ эти годы тоже порядкомъ, правда, все больше “спасаясь”, но народишко перевидаль достаточно и, какъ человѣкъ наблюдательный, понаторѣлъ. Разумѣется, въ первую голову атаковалъ меня насчетъ “личной жизни”.

— Вы совсѣмъ не признаете личной жизни ?

— То-есть, какъ же не признаю?

— Да у васъ, коммунистовъ, все — коллективъ, пролетариатъ, общественность, астрономическая величина, а личная жизнь — это что-то, по-вашему, очень маленькое.

— Одно другому не мѣшаетъ, — отвѣчаю.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что зачастую мѣшаетъ!

— Тогда это хужѣе...

Онъ такъ сразу и обволновался:

— Нѣтъ, право, отвѣтьте мнѣ просто, какъ человѣкъ человѣку — считаете ли вы возможнымъ часть своей души отдавать не обществу, не коллективу, а одному лицу, любимой женщинѣ, скажемъ. Даже не часть души, а большую часть, всю душу? Представляете ли вы себѣ такой случай, когда любовь свяжетъ васъ всего, когда творить, думать, работать вы сумѣете только во имя ее?

— Нѣтъ, не представляю.

— Однако, это возможно? Вѣдь случаи такие бывали, а, слѣдовательно, и теперь могутъ быть?

— Если бы такъ случилось, я, любя одну, что вполнѣ естественно, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая себя членомъ коллектива, членомъ своего класса, своей партіи — легко сочеталъ бы это “во имя”, дѣлая для того и для другого свое дѣло. Вѣдь, любовь — радость, вѣдь, она творящее начало, я такъ понимаю. Съ любимымъ товарищемъ трудъ кажется легче. Въ чемъ же тогда коллизія?

Онъ отвѣтилъ мнѣ почти съ ожесточеніемъ:

— Въ томъ, что не всегда любимый человѣкъ можетъ быть вашимъ товарищемъ. Въ томъ, что любовь не спрятывается съ метрикой, партійнымъ билетомъ, съ классовой родословной. Въ томъ, что въ одинъ не прекрасный день вы увидите, что любимый человѣкъ — чужой вамъ во всемъ или, напротивъ, что свой во всемъ человѣкъ — не любимъ уже вами. И вотъ вы тогда должны дѣлать свое личное дѣло, спасать свое личное счастье, вы не сумѣете во имя партійной или какой-либо иной дисциплины, во благо общества жить съ этимъ человѣкомъ, а если останетесь жить, то трудъ вашъ будетъ безрадостенъ и слѣдовательно бесплоденъ. Вы перестанете быть общественно-полезнымъ человѣкомъ. Тогда какъ, — выкидывать васъ изъ партіи? признать анти - общественнымъ элементомъ? Но развѣ это выходъ? О, если бы любовь была только половымъ влечениемъ! Тогда все устраивалось бы очень просто.

— Мы могли бы выбрать себѣ подъ масть, даже не мы, а, если угодно, особая комиссія по увеличенію народонаселенія.

— Но это не такъ, вы знаете, что это далеко не такъ! Любовь ничему не подчиняется. Вотъ вы, молодой ученый, врачъ, коммунистъ, человѣкъ новой формациі, трезвый умъ, а вы можете сказать увѣренno, кого изберетъ ваше сердце? Однажды

вы полюбите пустую барышню или умницу, но изъ иного міра — и вотъ начнется путаница, все полетить вверхъ тормашками, вы не успѣете очу-

таться, какъ васъ всего вывернетъ наизнанку. Развѣ среди васъ же не было такихъ примѣровъ? Вы скажете, что на то есть у человѣка сила воли, взять себя въ руки. Ну, а дальше что? Хватить у васъ силъ отказаться навсегда отъ личнаго счастья?

Я ужъ сейчасъ и не помню, что онъ говорилъ еще, но все сводилось къ тому, что вопросъ личной жизни, личнаго счастья, очень серьезный, большой вопросъ, и теперь, когда мы перешли къ мирному строительству, требуетъ разрѣшенія въ первую очередь.

Съ этимъ я, пожалуй, съ нимъ согласенъ. Чортъ возьми, мнѣ что-то не приходилось объ этомъ задумываться, но, конечно же, институтъ брака, хотя бы гражданскаго, въ томъ бытовомъ укладѣ, въ какомъ онъ сейчасъ продолжаетъ находиться, безусловно нежизнененъ и требуетъ иныхъ формъ. А любовь... грѣшный человѣкъ, я всегда думалъ, что влюбиться — должно быть очень весело, а любить — большое счастье, да вѣдь на ходу этого не испытываешь, а отдыхаю я въ первый разъ за эти девять лѣтъ. Поживемъ — увидимъ. Только зачѣмъ все-таки такъ много вниманія удѣлять любви? Тесьминову она, какъ видно,шибко насолила.

Тутъ къ нему неравнодушна одна наша — Ольгина, хорошая работница, беспартійная, но изъ тѣхъ, что добротнѣе иной партійной. Жаль мнѣ дѣвку, замучаетъ онъ ее своими любвями, слишкомъ ужъ онъ путаный. А, вѣдь, съ первого взгляда — здоровый парень. Вотъ, что значитъ — старая косточка. Только я на этотъ счетъ

слабъ, честно говорю, не пробовалъ — тебѣ виднѣе, ты человѣкъ женатый — разберись-ка самъ, да вразуми меня, неуча. На этомъ кончаяу.

Съ коммунистическимъ привѣтомъ

Ждановъ.

VII

Совѣтская служащая, машинистка, Евгенія Петровна Вальянченко — сослуживицѣ Гладышевой въ Москву

Деревня Кореизъ, 17 мая.

Ну, милуха, я до того загорѣла и раздобрѣла здѣсь, что ты меня не узнаешь. Совершенная арапка. И съ ужасомъ думаю о томъ, что мнѣ прійдется снова возвращаться въ Москву, садиться за свою машинку и видѣть передъ собою ежедневно вислоухаго.

Дни бѣгутъ чортовски быстро. А съ каждымъ днемъ все новыя знакомства — такъ много любопытнаго. Я сняла комнатку за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ у извощика — татарина — онъ очень веселый, вѣчно скалить зубы, и жена у него тоже веселая, въ комнатѣ чисто, въ саду созрѣваютъ черешни. Окна мои выходятъ въ садъ — просыпаюсь въ шесть утра и прямо въ садъ умываюсь, вытираюсь и смотрю на Ай-Петри — онъ передо мной. Пью молоко изъ-подъ коровы — парное. Въ дѣтствѣ терпѣть его не могла, а теперь обожаю.

Наша деревня рядомъ съ Ай-Джиномъ, бывшимъ имѣнiemъ Николая Михайловича. Въ его дворцѣ теперь домъ отдыха союза металлистовъ, а въ дальнихъ флигеляхъ — совхозъ. Тамъ сда-

ются комнаты частнымъ лицамъ — тамъ же я сто-
люсь у моей пріятельницы Сонечки Перовой. Она
замужемъ за бывшимъ завѣдующимъ виннымъ
складомъ — мужъ ея въ отъѣздѣ — она даетъ
обѣды. У нея цѣлая исторія тутъ вышла, настоя-
щій романъ, только обѣ этомъ послѣ.

Въ нее влюбился теперешній завѣдующій —
очень красивый, Игорь Константиновичъ, изъ быв-
шихъ,—ты понимаешь? Обѣ этомъ всѣ говорять.
Она его ревнуетъ, онъ пропадаетъ у нея цѣлыми
днями. Я ихъ должна мирить ежедневно. Это то-
же весело!

Сонечка мнѣ о немъ все разсказываетъ — я
даже и не знала, что есть такие мужчины... Только
обѣ этомъ послѣ.

Представь себѣ, онъ... Нѣть. Я тебѣ этого не
расскажу.

Мы съ нимъ подружились, конечно, безъ вся-
кихъ ухаживаній. По-товарищески. Каждый ве-
черъ пьемъ вино — онъ носить очень хорошее изъ
своихъ подваловъ. Училъ меня цѣловаться — од-
нимъ языкомъ...

Днемъ послѣ обѣда, — всѣ спятъ, называется
“мертвый часъ” — отвратительное время. Я ва-
ляюсь и читаю Данилевскаго изъ библіотеки. А
послѣ чаю, въ четыре часа иду въ “Кириле” на
тенисъ. Тамъ у меня тоже завелись знакомые лю-
ди. Со мной играютъ двѣ барышни — врачъ и
агрономъ, онѣ изъ новыхъ, обѣ некрасивыя, но
ничего, славные, — все время смѣются. Четвертый
партнеръ — Сандовскій, знаешь нашъ — членъ
правленія. Есть еще три-четыре изъ молодежи, а
остальные все почтенные, сѣдовласые старцы. На-
до ихъ только видѣть, когда они гуляютъ, или на
пляжѣ. Моціонъ двухсотлѣтнихъ.

Да! Еще тутъ живетъ писатель Пороша. Слы-

хала, должно-быть изъ “попутчиковъ”? Я его не читала — понять ничего нельзя, но онъ знамени-
тый и очень забавный. Такой блеский, въ круг-
лыхъ очкахъ. Мы съ нимъ встрѣтились въ паркѣ.
Онъ остановился передо мною и говоритъ:

— Вамъ, конечно, не скучно?

Я засмѣялась и отвѣчаю:

— Нѣтъ, не скучно!

— А мнѣ скучно, — говоритъ: — пойдемъ вмѣ-
стѣ гулять.

Такъ и познакомились. Про дѣтство свое раз-
сказывалъ — чуть отъ хохота не умерла.

— Очень я тогда вратъ любилъ, — говоритъ.

— А теперь нѣтъ?

— И теперь люблю.

Съ нимъ уютно. Третьяго дня вечеромъ чи-
талъ онъ свой новый разсказъ, всѣ слушали за
большимъ столомъ на верандѣ.

Только я не слушала, потому что въ это время
пришелъ Тесьминовъ, музыкантъ, со своей дамой
Маріей Васильевной. Они живутъ въ Ай-Джинѣ
вмѣстѣ, это тоже цѣлая исторія.

Марья Васильевна жена какого-то профессора,
у нея два сына, одному девять, другому одиннад-
цать лѣтъ. Пріѣхала она двѣ недѣли тому назадъ,
заняла въ совхозѣ комнаты, а обѣдаеть у Сонеч-
ки.

Представь себе женщину лѣтъ подъ сорокъ, съ
маленькими черными глазками, вздернутымъ но-
сомъ, съ поджатыми губами, нечистымъ цвѣтомъ
кожи, напудренную, небольшого роста, всегда одѣ-
тую очень ярко, однимъ словомъ “молью траче-
ную”, по выраженію Кирюшки. Говорить очень
быстро и всегда такое, понимаешь, впечатлѣніе,
точно немного выпивши. Мальчишки у нея насто-

ящіе хулиганы, все время ревутъ и дерутся. Но она за ними не смотритъ.

И вотъ пять дней тому назадъ является сюда этотъ Тесъминовъ, извѣстный музыкантъ — ему на видъ не больше двадцати восьми лѣтъ. Веселый, стройный, бритый, въ тюбетейкѣ, курить трубку — похожъ на итальянца. Ему отвели въ “Кириле” комнату, а онъ на другой день забралъ вещи и переселился въ совхозъ, къ этой Марьѣ Васильевнѣ рядомъ. Даже ъѣсть пересталъ ходить въ “Кириле”. И все время съ ней вмѣстѣ. Мальчишки его дядей Колей зовутъ. Я у нихъ спрашивала, кто онъ — они говорятъ “маминъ пріятель”. Какъ это тебѣ нравится?

На людяхъ они на “вы”, но я сама слышала, какъ она его называла “ты” и “Николушка”.

А мужъ ей, что ни день, то письма, то телеграммы шлетъ. Я только и жду какого-нибудь скандала. Что они любовники — это ясно! Не понимаю одного — гдѣ у него глаза. Выбралъ тоже! Ни на шагъ его отъ себя не отпускаетъ — прямо досадно, а съ нимъ, должно-быть, превесело! Онъ можетъ! Наша компанія рѣшила уже разыграть его — воображаю, эта Марья Васильевна разозлится! И подѣломъ — лучше бы за мальчишками смотрѣла, чѣмъ романы заводить.

Вчера вижу — иду по царской тропкѣ, объ руку — она ему все что-то говоритъ, говоритъ, а онъ только головой качаетъ. Дураки эти мужчины, надо отдать справедливость.

Ну, пока! цѣлую тебя —

Женя.

P. S. Придется на это письмо двѣ марки клеить — ты, дура, чувствуй!

VIII

**Марія Васильевна Угрюмова — Михаилу
Андреевичу Угрюмову**

ТЕЛЕГРАММА.

Москва, Сивцевъ - Вражекъ, 36
Угрюмову.

Взволнована сообщеніемъ выѣзжаю Москву
четвергъ встрѣчай дѣти здоровы

Марія.

IX

**Надежда Ивановна Ольгина — брату Петру
Ивановичу Ольгину въ Кіевъ**

“Кириле”, 20 мая.

Петя, Петунька, Пѣтушокъ — ку-ку-ре-ку! Что же это ты, свинтусъ такой—второе письмо тебѣ пишу, и хоть бы хны? А еще любящій братъ, другъ, товарищъ! Или ужъ ты такъ заважничалъ, обзавился (новое производное отъ зава — пріоритетъ за мной)?

Нѣтъ, кромѣ шутокъ — неужто за всѣми своими дѣлами — я вѣрю, что ихъ у тебя по горло —

ты не найдешь минутки, чтобы удѣлить мнѣ. А помнишь, уѣзжая изъ Москвы, далъ слово оставить для меня мой уголокъ — какъ въ дѣтствѣ — за комодомъ. Я такъ привыкла къ тому, что вотъ у меня такой человѣчекъ — Петунька — и никто больше, которому въ любую минуту можно пожаловаться на самого себя, поругаться отъ чистаго сердца, и въ свой чердакъ спрятать у себя — твое, никому неизвѣстное. Это же какъ хороший душъ.

Мы съ тобой оба работяги-одержимые, скрытники, какъ нась зоветъ мама, и только другъ для друга — неисправимые фантазеры, дуралеи несущѣтные. Такъ вотъ, изволь выкладывать: я же знаю, что у тебя опять неладно — по глазамъ видала, когда провожала. Не отнѣкивайся. Правда, въ письмахъ объ этомъ говорить трудно, но что же дѣлать, если нашъ комодъ давно проданъ, а между нами 1.000 верстъ. Сама я сейчасъ ни о чемъ не думаю — смѣюсь съ утра до вечера (а ты знаешь мой идіотскій смѣхъ, съ захлебомъ) — благо нашла себѣ подходящую компаньонку, агрономшу одну — Думко — хохотушку ужаснѣйшую. Она прелесть, прелесть! Вся такая крѣпкая, круголицая съ веселыми карими глазами, румяная, говорить по-хохлацки — на о, плаваетъ какъ утка, ныряетъ, по горамъ лазаетъ, въ тенисъ играетъ до одури (каюсь, грѣшная, ракетку-то я все-таки увезла съ собой — васъ съ мамой обдурила — ну, что подѣлаешь! ругай не ругай, не могу я эти режимы выносить! а все-таки пять фунтовъ прибавилось — тебѣ въ утѣшеніе — съ легкими все въ порядкѣ — клянусь!).

А недавно еще одинъ къ намъ присоединился — композиторъ Тесьминовъ. Тоже — милый, милый! Ему подъ сорокъ, а душа у него настоящаго мальчишки. Чего мы только съ нимъ не выдѣлы-

вали. Кто бы сказалъ, что всѣ ученые уважаемые лица! Думко да я его сразу же рѣшили переманить къ себѣ — видимъ человѣкъ мается. И чудесно! Представь себѣ, даже въ горѣлки играетъ. Онъ ловкій и хитрый, какъ муха. У него тутъ одна знакомая есть — кажется любовь — да намъ какое дѣло. Она сейчасъ уѣхала въ Москву къ мужу — вотъ мы его и приспособили. Челевѣкъ много видѣлъ, много знаетъ, интересно разсказываетъ, увлекающійся должно быть, но съ нами очень простъ, а главное не пытается говорить “объ умномъ”. Вотъ возьму, да и влюблюсь, заведу себѣ крымскій романъ. Что ты скажешь?

Нѣтъ, Пѣтушокъ, — можешь быть спокоенъ, — ты вѣдь знаешь — въ душу мою попасть трудно. Даже Васю туда не пускаю, а, вѣдь, кажется, у насть съ нимъ крѣпко.

Вотъ написала это и остановилась. Нѣтъ, конечно же крѣпко, мы съ нимъ одной породы, однихъ устремленій, однихъ правиль. Только онъ больше меня, умнѣе, глубже. И все-таки, несмотря ни на что — не могу пустить, какъ тебя. Почему это?

Вчера послѣ ужина набѣгавшихъ — Наташа Думко, Тесьминовъ и я — пошли въ кафе къ татарамъ. Пили вино, потомъ турецкій кофе — Тесьминовъ по обыкновенію разсказывалъ, мы обѣ ржали, какъ лошади, а потомъ онъ внезапно замолкъ, оборвалъ, лицо стало — старымъ, старымъ, и говоритъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вотъ, скажите, кичкине (по-татарски значить маленькая), отчего всегда бываетъ такъ, что такая, какъ вы или Наталія Максимовна — по духу мнѣ близкія — никогда меня въ серьезъ не примутъ. Вамъ со мной только легко, весело, — а серьезное — это вы для другого. Я ничуть не оби-

женъ — вѣрте мнѣ. А вотъ иной разъ думается — неужто, любимый многими, я обреченъ на вѣчное одиночество, потому что умѣюЩій ухо не захочетъ меня слушать, а глухому я самъ не откроюсь.

Мы ему отвѣтили шуткой, что, напротивъ, его всѣ наперебой готовы слушать, и онъ этимъ широко пользуется, но послѣ, лежа въ постели, я подумала: а не испытываетъ ли каждый изъ насъ то же — и ты, и я, и Вася — что самый родной, самый нужный намъ — всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и самый далекій. Вотъ почему я, откинувъ спѣсь, пишу тебѣ это письмо. Большое счастье знать, что оба мы другъ для друга не глухи. А Тесьминова мнѣ жаль, если его слова не поза — нѣть, онъ говорилъ искренно. И жаль и пріятно за человѣка — значитъ не все въ немъ балованность, легкомысліе, удача — есть и кое что отъ страданія, хотя на короткія минуты.

Вотъ видишь, какая твоя сестра догадчица. Хвали и пиши скорѣе.

Дина..

X

Изъ записокъ Антона Герасимовича Печеныхъ

20 мая.

Безъ всякихъ комментарій: вчера послѣ ужина, часовъ въ 10, явился изъ Ай-Джина Тесьминовъ — конечно, дѣвицы наши — ахъ! ахъ!!

Началось слѣдующее: заигралъ профессоръ Думко (сѣдая борода, 65 лѣтъ, отецъ Наталіи) фокстрѣтъ, Тесьминовъ демонстрировалъ танецъ, несмотря на просьбы милѣйшаго Павла Ивановича не танцевать, такъ какъ танецъ запрещенный. Ноль вниманія! Потомъ пѣли хоромъ, кто во что гораздъ, а послѣ Тесьминовъ сѣлъ за рояль, а ему въ аккомпанементъ стали бить по чѣмъ попадя — по бутылкамъ, подносамъ, а докторша съ агрономшей Думко въ гребешки съ бумажкой задудѣли. Катастрофа! Затыкай уши, бѣги вонъ! Надъ гостиной покоятся старцы — наша гордость, народовольцы, эти же прохвости безъ стыда устраиваютъ шабашъ. Я только пожалъ плечами и ушелъ демонстративно, а на утро заявилъ завѣдывающе му — онъ обѣщалъ принять мѣры.

XI

**Жена профессора Лидія Георгіевна
Кашкина — актриса “Молодого театра” Елена
Прокофьевна Леонтьевой въ Москву**

Совхозъ “Ай-Джинъ”, 27 мая.

Дорогая Леличка, ты преувеличиваешь.

Изъ меня никогда ничего не выйдетъ. Въ театральной школѣ мнѣ пророчили блестящую будущность — я даже не сумѣла стать заурядной провинциальной актрисой. Я писала стихи — теперь они мнѣ самой кажутся наивными. Послѣднее время я увлекалась прозой — нѣкоторые отрывки читала мужу — онъ былъ въ восторгѣ, несмотря на свою сѣдину и профессорскую серьезность, отъ моихъ волосъ.

Ты знаешь, что я танцую и неплохо играю Шумана. Когда я была невѣстой, Леонидъ вѣчно упрашивалъ меня играть, увѣряя, что у меня большія музыкальныя способности — я ему вѣрила, потому что онъ знатокъ музыки, теоретикъ искусства, мой преподаватель. Много послѣ — онъ мнѣ признался, что когда я играла, онъ даже не слушалъ, — жадно слѣдя за движеніями моихъ косъ за спиною. Онѣ оказались краснорѣчивѣе Шумана. Я и сама теперь пришла къ твердому убѣждению, что онъ — единственная моя неоспоримая цѣнность.

По утрамъ, послѣ чаю, идя на пляжъ, я позво-
ляю себѣ вольность — двѣ черныя косы до ко-
лѣнъ и парчевая тюбетейка на головѣ. Мужъ не
спускаетъ съ меня въ эти минуты влюбленныхъ
глазъ. Пусть радуется.

Онъ старше меня на пятнадцать лѣтъ, но все
еще способенъ пылать, тогда, какъ я...

Мнѣ кажется, что у меня рыбья кровь. Мож-
етъ быть поэтому я пытаюсь занять себя чужи-
ми страстями и бабью свою любовь къ сплетнямъ
облекаю въ беллетристическую форму.

Прошлый разъ я описала тебѣ нашу компа-
нію изъ "Кириле". Двѣ недѣли назадъ къ ней при-
бавились новы лица — композиторъ Тесьминовъ,
экономистъ Печеныхъ и художница Геймеръ —
послѣдняя прїѣхала нѣсколько позже. Съ прїѣз-
домъ Тесьминова нашъ маленький муравейникъ за-
капошился. Онъ служитъ неисчерпаемой темой
для сплетенъ, пересудовъ, сенсацій. Все кажется
таинственнымъ въ его поступкахъ. Нашлись люди,
правда, не знавшіе его лично, но прекрасно освѣ-
домленные о его похожденіяхъ.

Съ каждымъ днемъ прибавляется какая-нибудь
пикантная подробность. Мужчины двусмысленно
подымаютъ брови, дамы ахаютъ, дѣвицы поправ-
ляютъ прически.

Я не назвала бы его красивымъ. Въ его лицѣ
есть что-то жесткое, хищное, нѣсколько наигран-
ное. Онъ, конечно, чувствуетъ, что на него смот-
рятъ, и рисуется. И вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется,
что онъ застѣнчивъ — это дѣлаетъ его еще болѣе
дерзкимъ.

Его посадили въ день праздника за нашъ столъ.
Мы ужинали. Онъ быстро прошелъ къ указаному
мѣсту, ни на кого не глядя, неловко поклонился
намъ и тотчасъ же опустилъ глаза въ тарелку. Ру-

ки его съ длинными, гибкими пальцами музыканта всегда въ движениі, всегда что-нибудь перебираютъ и очень выразительны. Онъ созданы для того, чтобы хватать, брать, осязать, говорить, онъ притягиваютъ, гипнотизируютъ. Нижняя часть лица его замкнута, суха, упрямая, верхняя — по-дѣтски открыта, развернута въ широкомъ размахѣ бровей, лба, закинутыхъ назадъ волосъ.

Когда его сосѣдка справа спросила, какъ онъ доѣхалъ и хороша ли погода въ Москвѣ, онъ вспых нуль, какъ школьникъ, но тотчасъ же послѣ этого въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не отрываясь, дерзко смотрѣлъ въ мою сторону, такъ что я не знала, куда повернуть голову. Мой мужъ это сразу замѣтилъ и послѣ ужина въ разговорѣ со мной обозвалъ его нахаломъ. Мужчины не переносятъ самоувѣренности въ другихъ мужчинахъ.

Пріѣхавшій съ Тесьминовымъ другой экономистъ Печеныхъ похожъ на сороконожку. Съ круглой лысой головкой, круглыми щечками, покрытыми рыжимъ пухомъ, круглымъ животикомъ, широкимъ тазомъ и короткими ногами. Онъ надоѣдливо говорливъ, преувеличению любезенъ, каждый предметъ называетъ уменьшенно: "ножичекъ", "салфеточка", "дождичекъ". Тошнотворно провинциаленъ и сластолюбивъ. Тесьминовъ бѣгаєтъ отъ него, какъ отъ огня. Печеныхъ мстить ему за это и не далѣе какъ вчера рассказалъ мнѣ про него гнусную сплетню. Не станемъ повторять ее.

Художницу Геймеръ я видѣла мелькомъ и еще не составила о ней мнѣнія. Это высокая женщина съ молодыми, смѣюющимися глазами, дѣвичьимъ румянцемъ и совершенно сѣдыми стриженными волосами. Вотъ въ кого бы я влюбилась на мѣстѣ мужчины. Но развѣ у нихъ есть вкусъ?

Ты видишь, какая я беспомощная беллетрист-

ка. Исписала семь страницъ, а такъ и не добралась до фабулы. Правда, если братъ себѣ примѣромъ такихъ писателей, какъ Пороша, то пожалуй...

Нѣтъ, я не хочу отступлений.

Итакъ Тесьминовъ совершенно неожиданно оказался нашимъ сосѣдомъ. Онъ сбѣжалъ изъ "Кириле", должно быть, спасаясь отъ Печеныхъ, и поселился въ Ай-Джинскомъ флигелѣ, тамъ же, гдѣ и мы.

Я уже писала тебѣ, что единственное неудобство нашего жилища это — общій балконъ, раздѣленный на двѣ части бамбуковой ширмой. Одна половина принадлежитъ намъ, другая — нашей сестрѣ — Марьѣ Васильевнѣ Угрюмовой. Она премилая женщина, но ея дѣти! — ты знаешь, я не люблю дѣтей. Мы съ ней знакомы, но почти никогда не говоримъ. Она замкнута, взволнована, живетъ въ своемъ обособленномъ мірѣ, поглотившемъ ее цѣликомъ.

Когда здороваешься съ нею или задаешь какой-нибудь пустяшный вопросъ, у нея видъ человѣка, разбуженного или нежданно выведенного изъ глубокой задумчивости. Мнѣ никогда не приходилось испытывать что-нибудь подобное, но я увѣрена, что эту маленькую женщину подавляетъ какое-то огромное чувство — она изнемогаетъ подъ его тяжестью, потерялась въ немъ, исчезла. Въ ея глазахъ испугъ и зачарованность странника, попавшаго въ сказочный лѣсъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Впервые я увидѣла се всю и поняла только на дняхъ, когда случайно встрѣтила въ "Чайре".

"Чайръ", бывшее имѣніе какой-то великой княгини, теперь отданное сельскохозяйственной школѣ. Дворецъ и паркъ расположены у самаго моря, значительно ниже нашей "Кириле", Ай-Джи-

на и другихъ усадебъ. Каменный парапетъ четкимъ полукружьемъ нависаетъ надъ береговымъ хаосомъ бурыхъ валуновъ и оливковыхъ волнъ. Все плато передъ дворцомъ — иное, цвѣтущее, благоухающее море. Розы точно бѣгутъ тебѣ на встречу въ одномъ едва примѣтномъ движениіи своихъ бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ, алыхъ лепестковъ. Опѣ невысоки, едва достигаютъ колѣнъ, и ихъ можно видѣть сверху—охватить однимъ взглядомъ всю гамму ихъ многоцвѣтного разлива.

По вечерамъ школьники — мальчишки и дѣвченки — въ однихъ трусикахъ, съ піонерскими алыми платками на головахъ или вокругъ шеи поливаютъ это весеннеѣ царство. Отдыхающіе изъ всѣхъ близлежащихъ санаторій — приходятъ сюда любоваться розами и покупать ихъ. Но въ послѣобѣденные часы — здѣсь бываетъ безлюдно.

Я часто ухожу сюда одна, когда мужъ спитъ, сажусь въ розовую бесѣдку надъ моремъ и читаю. Правда, это не мѣшаетъ мнѣ уносить домой книгу, развернутую на той же страницѣ, на какой я ее оставила въ предыдущій разъ. Трудно читать, когда все вокругъ невольно приковываетъ твой взглядъ и не отпускаетъ.

Въ такую-то минуту я и увидѣла идущую вдоль парапета Марью Васильевну. Она шла, опустивъ вдоль бедеръ руки, усталой походкой человѣка, не знающаго куда себя дѣвать, едва лишь замѣчающаго дорогу. На ней было ярко - желтое полоняное платье и бѣлый кружевной чепчикъ на солнцѣ — напоминаль лѣниво плывущій венеціанскій парусъ. Вѣтеръ обдувалъ у ея ногъ подоль платья, мѣшная итти, но она этого не замѣчала. Она и меня не замѣтила, проходя мимо, несмотря на то, что смотрѣла прямо передъ собой. Лицо ея едва тронулъ загаръ, губы были плотно

сжаты, горькой, тонкой чертой. Яркое платье подчеркивало худобу повядшихъ щекъ.

И внезапно это лицо преобразилось — трудно сказать, что это было. На моихъ глазахъ она похорошѣла небывало, изъ глубины хлынувшимъ счастьемъ — глаза, ротъ, щеки, подбородокъ — заиграли такой ошеломляющей полнотой жизни, желанья, сладкой боли, что мнѣ на мгновеніе показалось, что вотъ-вотъ я услышу придушенный стонъ или крикъ.

Я повернула голову — навстрѣчу ей шелъ Тесьминовъ. Онъ, видимо, не ожидалъ ее встрѣтить здѣсь, не хотѣлъ этой встрѣчи. Ты представляешь себѣ лицо самоувѣренного мужчины, пойманнаго на мѣстѣ преступленія и пытающагося скрыть свое смущеніе развязной, приторной улыбкой.

Въ рукахъ онъ держалъ огромный букетъ розъ. Я угадала тотчасъ же — букетъ, предназначенный другой, по тому, съ какой поспѣшной готовностью онъ подалъ его Марьѣ Васильевнѣ. Она протянула руку, смущенная, дѣвичья улыбка открыла ея губы. Эта женщина любила.

Жена, мать, человѣкъ, — все исчезло, умерло, — осталась только любовь. И до чего же жалкимъ рядомъ съ ней показался мнѣ Тесьминовъ. У мужчины всегда виноватый видъ, когда онъ знаетъ, что безразличная ему женщина его любить, хотя бы онъ никогда и не обольщалъ ее своей любовью.

Мнѣ хотѣлось подойти и ударить его по щекѣ.

Сейчасъ я понимаю, что это желаніе было глупо, что, въ сущности, онъ ни въ чемъ не виноватъ. Мы не въ силахъ любить по заказу. Но тогда во мнѣ возмутилась женщина, а можетъ-быть даже человѣкъ. Непостижимо, какъ можно пройти мимо такой любви.

Они ушли подъ-руку, тѣсно прижавшись другъ

къ другу. Какъ два любовника, которые боятся потерять лишнюю минуту близости.

Но они не любовники. Теперь я это знаю. И никогда ими не будутъ. Тѣмъ тяжелѣе ея грѣхъ, ея ноша. Слыть въ глазахъ людей романтической любовницей, каждой каплей крови желать этого и все же оставаться чужой любимому человѣку — непереносимо. Что ихъ связываетъ, вѣрнѣе, что заставляетъ его жить о-бокъ съ нею? Если она не говорить ему о своей любви — онъ все же долженъ ее чувствовать. Это жестоко.

Недѣлю тому назадъ — она уѣзжала въ Москву къ мужу. Вызвалъ ли онъ ее или она сама рѣшила бѣжать къ нему... Не знаю. Но она вернулась еще болѣе раздавленной.

Я спрашиваю себя — благодарить ли мнѣ судьбу за то, что она меня лишила способности такъ сильно чувствовать. А все-таки мнѣ чуть-чуть по-женски завидно.

Въ тотъ же день вечеромъ мнѣ снова довелось быть свидѣтельницей этого странного романа. Я вернулась изъ "Кириле" послѣ ужина раньше обычновеннаго. Мужъ остался тамъ доигрывать партию въ шахматы. Не зажигая огня, я раздѣлась, сѣла въ кресло и, перебирая косы — вмѣсто четокъ, заглядѣлась на луну. Черезъ настежь распахнутую дверь на балконъ, мнѣ виденъ былъ край неба, море съ лунной дорогой, черныя острія кипарисовъ. Я не услышала, какъ на балконъ вышли Марья Васильевна и Тесьминовъ. Увѣренные въ томъ, что насть нѣтъ дома, они заговорили вполноголоса, но достаточно громко для того, чтобы я могла ихъ услышать отъ слова до слова.

Первымъ моимъ движенiemъ было встать, закрыть двери, дать о себѣ знать, но такъ какъ они начали свой разговоръ значительно раньше того,

что я ихъ услышалъ, и мое предупрежденіе смущило бы ихъ, я осталась неподвижной. Къ тому же такая скрытая нескромность простительна женшинѣ, да еще претендующей на званіе беллетриста.

Характерный Тесьминовскій профиль изъ трехъ острыхъ угловъ — лба, носа и подбородка, виденъ былъ ясно на фонѣ посеребренного неба. Марья Васильевна все время оставалась въ тѣни. Одинъ только разъ мелькнулъ черный силуэтъ ея руки, протянутой къ Тесьминову и тотчасъ же беспомощно упавшей.

— Все это такъ, — продолжалъ Тесьминовъ: — но въ концѣ концовъ — въ чёмъ твоя мука? Ты сама увѣряла, что въ этотъ пріѣздъ въ Москву тебѣ удалось найти съ мужемъ общій языкъ, договориться. Вы поняли, что любите другъ друга, несмотря ни на что и разстаться не можете. Ты простила ему его, назовемъ, "ошибки", онъ повѣрилъ въ чистоту нашихъ отношеній. Извѣ-за чего же еще угрязаться? Мои чувства къ тебѣ давно тобою провѣрены — я никогда не обманывалъ тебя... Ты знаешь, что я и не могъ дать большаго... а все же это преданная, вѣрная любовь... вѣдь не одну только страсть мы называемъ любовью. Отказаться отъ тебя, какъ человѣка, мнѣ было бы очень трудно... Но я усталъ, запутался, ты это знаешь не меньше моего... передъ тобой весь этотъ годъ я былъ какъ на духу... Такъ дай же мнѣ притти въ себя, не дергай...

— Ты уходишь отъ меня...

— Какъ?

— Ты сталъ другимъ. Я тебя не узнаю послѣ пріѣзда... совсѣмъ чужой... съ чужими...

— О чёмъ ты говоришь? Чужой — съ чужими... что это значитъ?.. У тебя нервы... Иди на

люди, какъ я, попробуй развлечься, отвлеки свои мысли...

— Не могу.

— Почему?

— Потому что мнѣ всѣ противны. Мнѣ не о чемъ разговаривать съ людьми. Я забыла, какъ это дѣлають. Мнѣ скучно съ ними, я ихъ не слышу. Когда ъѣздила въ Москву, побыла съ Мишой, мнѣ казалось, что все утихло, что я могу.popрежнему жить для него, для дѣтей. Я говорила ему о тебѣ совершенно спокойно, потому что сама вѣрила, что ты мнѣ только другъ... Теперь не могу вѣрить...

— Что же дѣлать?

— Не знаю.

— Уѣхать?.. Я уѣду.

Она не отвѣчала долго, потомъ едва слышно:

— Я не переживу этого...

Въ его голосѣ прорвалось раздраженіе. Онъ произнесъ по-мужски тупо и жестоко, пытаясь этимъ отгородить себя.

— Не по-ни-ма-ю!

И все же послѣ паузы, видя, что она молчитъ, точно оправдываясь, началъ снова, по-мальчишески, обиженнымъ тономъ:

— Вы оба съ мужемъ истерики. Вы мучаете другъ друга отчаянными телеграммами, трагическими письмами и сами не знаете, чего вамъ нужно. Устраиваете бурю въ стаканѣ воды, но ни на что не можете рѣшиться. Если не въ силахъ склеить совмѣстную жизнь — разойдитесь. Но зачѣмъ же трагеді? Онъ считаетъ меня пустымъ, легкомысленнымъ человѣкомъ безъ принциповъ, но, право же, я во много разъ честнѣе съ самимъ собой, чѣмъ онъ...

Она перебила его съ болью:

— Ахъ, да развѣ дѣло въ немъ?

— А въ комъ же?

Онъ тотчасъ понялъ, насколько былъ опасенъ для него этотъ вопросъ, и мгновенно смолкъ — профиль качнулся — долгія минуты виденъ былъ только черный овалъ его затылка.

Вотъ тогда мелькнула ея рука и раздался придушенный плачъ.

Босая, въ одной рубашкѣ, забывъ осторожность — я кинулась къ выходной двери. Къ счастью въ ту же минуту раздались шаги мужа. На балконъ тотчасъ же все затихло.

Сейчасъ пишу тебѣ это, какъ нѣкій беллетристический экзерсисъ, а все не могу успокоиться. Я не перестаю о нихъ думать. И самое раздражающее во всей этой исторіи то, что я не знаю, кто же въ концѣ концовъ изъ нихъ виновенъ. Мы всегда успокаиваемся, когда можемъ вынести приговоръ. Здѣсь же я безсильна. Мнѣ даже начинаетъ казаться, что виновата — я. Незачѣмъ было подслушивать. Нѣтъ, серьезно, долженъ же кто-нибудь быть виновнымъ?

А не виноваты ли мы всѣ — пережившіе старыя формы брака, семьи, перешагнувшіе черезъ нихъ, но не сумѣвшіе найти новыя и заблудившіеся?

Но это єже не моя область. Пусть займутся этимъ моралисты. Хотя, кажется, теперь таковыхъ упразднили. Ну, тогда общественники. Перестраивать, такъ перестраивать, чортъ возьми!

Ты замѣчаешь, какіе успѣхи я начинаю дѣлать въ “новомъ” стилѣ?

Цѣлую тебя въ благодарность за терпѣніе, съ которымъ ты прочла мою мазню.

Твоя Ліда.

P. S. Какъ твое здоровье? Когда собираешься въ Крымъ? Какъ успѣхи въ кино Всеволода?

XII

Марія Никитична Вострова — уборщица въ санаторіи — Антону Герасимовичу Печеныхъ

“Кириле”, 27 мая.

Вы меня, товарищъ, не тискайте, а ежели еще будете тискаться, завѣдующему пожалуюсь. Я тоже сознательная и могу вполнѣ выслушать ваши объясненія насчетъ душевнаго состоянія, а руками прошу не чепаться. Отвѣтъ положите въ каменную вазу, которая въ розовой бесѣдкѣ.

Маруся.

XIII

Студентъ Павелъ Ефремовъ, племянникъ Угрюмова, — Маріи Васильевнѣ Угрюмовой въ Ай-Тодоръ

Москва, 27 мая.

Маня,

Вамъ пишетъ человѣкъ съ больной, замученной, отравленной душой, переживающей неперено-

симое — Вы знаете, какъ незаслуженно жестоко по-
ступила со мною Катя — и Ваша капля яду была
влита въ ту чашу, что не минула меня.

Въ это дикое, безумное время, въ этомъ омутѣ
грязи, лжи, низости, въ которомъ я барабхался и
едва не задохнулся — только одинъ человѣкъ глу-
боко понимая меня, говорилъ мнѣ правду, поддер-
живалъ во мнѣ остатокъ уходящей воли, удержалъ
отъ преступленія, открылъ мнѣ глаза на многое —
мой дядя, мой другъ, а Вашъ мужъ Михаиль.

Онъ самъ былъ тогда неспокоенъ, онъ самъ
мучился Вашимъ отъѣздомъ и все-таки нашелъ въ
себѣ присутствіе духа жить моими страданіями.
Онъ твердо и искренне высказалъ свое мнѣніе о
Катѣ, о ея измѣнѣ, о ея бѣгствѣ. И съ того часа
я его безконечно люблю, безмѣрно ему благодара-
ренъ. Онъ показалъ мнѣ меня самого и заставилъ
смириться. Я понялъ, что самая тяжелая правда
легче фальши, лжи. Когда человѣкъ разбирается
въ окружающемъ — онъ долженъ знать все, иначе
онъ запутается, потеряетъ себя.

Я не могъ быть нечестнымъ съ Михаиломъ, не
считалъ себя виравѣ скрывать отъ него что-либо,
— быть можетъ во вредъ Вамъ, самому себѣ, по-
тому что я сознался ему и въ своихъ дурныхъ по-
бужденіяхъ, въ борьбѣ съ которыми за эти дни
исчерпалась всѣ мои силы.

Я не смѣлъ скрыть отъ Михаила то недостой-
ное, что слыхалъ и зналъ о Васъ, потому что онъ
страдалъ, онъ бродилъ въ потемкахъ — и подозрѣ-
нія, я это знаю по собственному опыту, тяжелѣе
увѣренности.

Михаиль достоинъ того, чтобы смѣло глядѣть
въ глаза правдѣ, какъ бы она ни была ужасна. Ней-
тральнымъ я не хотѣлъ и не долженъ былъ оста-
ваться. Его враги — мои враги. Я ненавижу Васъ

за тѣ страданія, которыя Вы ему причиняете, мнѣ выбирать между Вами нечего — я разъ и навсегда съ Михаиломъ.

Вы сказали, когда прїѣхали, что не подадите мнѣ руки за то, что я сказалъ Михаилу о Вашей любви къ Тесьминову, о Вашихъ съ нимъ свиданіяхъ — каждый разъ въ отсутствіи Михаила. Что же, воля Ваша — рука моя чиста. Я и вторично поступиль бы такъ же. Изъ приличія можно скрывать истину отъ посторонняго человѣка, но нельзя молчать, когда видишь страданія ближняго.

Если Вы любите Михаила, какъ я его люблю — Вы поймете меня, если же любовь Ваша не полная — намъ съ Вами не по пути. Пусть буду во всемъ виновенъ я — я знаю, что я поступилъ честно. Мнѣ больше ничего не нужно. У меня нѣтъ и не было заднихъ мыслей по отношенію къ Вамъ, я говорилъ открыто, не скрывался, просилъ Михаила сослаться на меня. Мнѣ самому было больно за Васъ. У Васъ не хватило мужества такъ поступить по отношенію ко мнѣ, хотя весь романъ Кати былъ Вамъ извѣстенъ, Вы были ея довѣренной — Вы обѣ обманывали меня.

Я желаю лишь добра Михаилу — въ этомъ нѣтъ и не должно быть зла для Васъ, пока Вы съ нимъ — одно существо.

Если то, что говорятъ о Васъ, клевета — ее легко разрушить, если — правда, то она не должна быть скрыта, не можетъ быть оправдана. Если Вы всей душой, всѣми помыслами, всѣмъ существомъ безъ остатка съ Михаиломъ, какъ это Вы говорили въ свой послѣдній прїѣздъ, то тѣмъ легче Вамъ было снять съ себя тяжесть тайны, разъ она уже была открыта. И тогда дорогая, милая, хорошая,

тогда и я всей душой съ Вами — тогда мы союзники. Вы все всегда понимали — поймете и меня.

Павель.

XIV

**Николай Васильевич Тесьминовъ —
завѣдующему домомъ отдыха “Кириле”**

(Записка послана съ лѣвочкой изъ Ай-Джина 28 мая).

Милѣйшій Павель Ивановичъ, прошу Васъ передать всѣмъ кирилейцамъ мои искреннія извиненія въ томъ, что вчера не состоялся мой маленький концертъ, обѣщанный мною. Поѣздка на Кошку (паденіе съ лошади) задержали меня значительно дольше намѣченного часа. Спѣшу загладить свою невольную безтактность обѣщаніемъ играть завтра, во что бы то ни стало.

Жму руку
Н. Тесьминовъ.

XV

**Писатель Сергѣй Пороша — Наталії
Максимовнѣ Думко**

(Записка передана во время концерта Тесьминова вечеромъ 29 мая).

Играетъ онъ на ять, но мнѣ всегда отъ музыки пить хочется. Не дернуть ли намъ всѣмъ къ Ибрагиму? Маленький наворотъ. А?

И. К. Пороша

Пороша.

XVI

**Наталія Максимовна Думко — Надеждѣ
Ивановнѣ Ольгиной**

(Записка, переданная во время концерта Тесьминова вечеромъ
29 мая).

Какъ бы такъ устроить, чтобы послѣ концерта утащить Николая Васильевича одного, безъ Угрюмовой? — онъ при ней никуда не годенъ. Пороша зоветъ къ Ибрагиму — пить вино. Сообразите что-нибудь.

Н.

XVII

**Художница Раиса Григорьевна Геймеръ —
профессору Леониду Викторовичу Кашкину**

(Записка, переданная во время концерта Тесьминова вечеромъ
29 мая).

Милый Леонидъ Викторовичъ, не можете ли вы спросить у Тесьминова, почему онъ назвалъ свою симфонію “Поединокъ”? Съ кѣмъ? Не съ этой ли несчастной Угрюмовой, которая не сводить съ него глазъ? У нея видъ давно побѣжденной и поверженной ницъ. Еще одна просьба — познакомьте меня съ нею, я когда-то зновала ея мужа, мы съ нимъ были друзьями. Она меня интересуетъ, какъ человѣкъ и занятная модель.

Р. Г.

XVIII

Марія Васильевна Угрюмова — Николаю Васильевичу Тесьминову

(Записка, положенная на столъ въ комнатѣ Тесьминова въ
3 часа ночи на 30 мая).

Вы — плохой товарищъ. Я больше не въ силахъ. Убирайтесь вонъ! Уѣзжайте куда хотите, оставьте меня въ покоѣ. Что вамъ отъ меня нужно? Зачѣмъ вы цѣпляетесь за меня? Неужели у васъ нѣтъ настолько чуткости, чтобы понять мои мученья? Никто еще такъ отвратительно не поступалъ со мной.

Я ждала васъ послѣ вашего концерта до двухъ часовъ, я не спала, я передумала всю мою любовь къ вамъ — такую ненужную, и пришла къ убѣждѣнію, что вы только ради издѣвательства надъ человѣкомъ — принимали ее. Съ какимъ трудомъ я отвоевала себѣ этотъ мѣсяцъ. Я ничего не ждала отъ васъ, вы знаете, кромѣ вниманія. Мы должны были жить общей товарищеской жизнью. Вѣдь, только одинъ мѣсяцъ. Но васъ и на это не хватило. Васъ потянуло отъ меня къ другимъ, вы отдалились отъ меня, вамъ точно совѣстно быть вмѣстѣ со мною на людяхъ. Конечно, совѣстно! Я чувствую это.

Развѣ такимъ вы прїехали сюда? Я помню все, что вы тогда говорили: "Я усталъ, я только ищу покоя, бездумья, тишины. Люди мнѣ страшны, противны. Я никого не хочу видѣть, устройте меня

около себя. Я буду послушный, ласковый. Только съ вами мнѣ хорошо. Мы будемъ ходить, гулять, вы мнѣ разскажете о себѣ, я стану читать вамъ, мы будемъ сидѣть на балконѣ, смотрѣть на луну, на море, молчать, понимать другъ друга".

Все это вы мнѣ сказали слово въ слово, въ день своего пріѣзда. Я была такъ счастлива. Развѣ я вѣсъ просила тогда о большемъ, развѣ я ждала вашей страсти, развѣ я требовала любви? Все мое существо тянулось къ вамъ, мнѣ хотѣлось стать передъ вами на колѣни, цѣловать ваши руки, гладить ваши волосы, но, вѣдь, я этого не сдѣлала. Сдержала себя. Вы сами протянули руку и медленно перебирали своими говорящими пальцами мои пальцы. Можетъ быть, вы замѣтили, какъ они дрожали, но, клянусь вамъ, я дѣлала нечеловѣческія усилия, чтобы сдержать эту дрожь. Вы не можете пожаловаться на меня. Но вы жадный. Боже мой, какой вы жадный! Вамъ все мало. Едва вы глотнули свѣжаго воздуха, въ вѣсъ снова проснулся бѣсь. Вы забыли все — свою усталость, отвращеніе къ людямъ, меня. Вы побѣжали на первый зовъ. Не спорьте — вѣсъ волнуетъ каждый, брошенный съ любопытствомъ или восхищеніемъ въ вашу сторону взглядъ. Вы любите любовь къ вамъ. Вы неразборчивы — вамъ все равно, кто васъ любить, кто вами восхищается. Вы необычайно воспріимчивы къ внѣшнимъ проявленіямъ вниманія и совершенно не чутки къ глубокому чувству. Все новое вѣсъ прельщаетъ, какъ ребенка, какъ ребенокъ вы тянется жадно къ нему руками, хватаете — глаза Ваши горятъ (они всегда горятъ у васъ вспышками, какъ ракета), цѣлуете — потомъ ломаете, отшвыриваете прочь и бѣжите къ другому.

Но, вѣдь, я у вѣсъ прошу только одинъ мѣ-

сяцъ — четыре недѣли общей жизни, тридцать дней совсѣмъ скромной, невинной близости. Но и этого вы не захотѣли мнѣ дать.

Такъ лучше уходите. Оставьте меня. Забудьте о моемъ существованіи!

XIX

Венерологъ Федоръ Константиновичъ
Курдюмовъ — Василію Савельевичу Жданову
въ Гаспру

Ленинградъ, 1 юня.

Отвѣчаю тебѣ, Ждановъ, кратко. Некогда — работы въ диспансерѣ по горло, народъ поразъ-ѣхался, приходится за пятерыхъ разрываться. Чортъ ихъ знаетъ — лѣтомъ всегда затишье, а тутъ больныхъ по тридцать-сорокъ на пріемъ и каждый день новые. Бсе это твои отдыхи на лонѣ природы, любовь!

Кого ни спросишь — “отъ проститутки?” — отвѣ чаютъ: — “ничего подобнаго — по любви, — совершенно порядочная”.

Вотъ къ чему приводятъ эти твои вопросы и Тесьминовское личное счастіе. Къ разнузданности, къ гонорреѣ и сифилису. У меня пятнадцать больныхъ заразились отъ женъ, а жены отъ такихъ, какъ Тесьминовъ. Къ чорту!

Недѣлю назадъ привели къ намъ двухъ дѣвушекъ-сестеръ: одной шестнадцать, другой семнадцать лѣтъ. Онѣ пришли въ Ленинградъ изъ-подъ Витебска пѣшкомъ. Собрались учиться. Какъ водится безъ гроша денегъ. На первой же остановкѣ, когда онѣ голодныя попросили поѣсть у желѣзно-дорожнаго сторожа, онъ согласился накормить ихъ при условіи, что онѣ ему отгадутся. Онъ взялъ

ихъ по очереди — дѣственницъ. Послѣ этого ихъ брали въ каждой деревнѣ, на всѣхъ перекресткахъ — насильно и по соглашенію — за хлѣбъ, за картошку, за кусокъ мяса. По скромному подсчету — ихъ “любили” семьдесят — восемьдесят мужчины. Что ты обѣ этомъ скажешь? Сейчасъ ихъ пристроили у насъ въ мастерской. А ну-ка, спроси, что онѣ думаютъ о любви и “личномъ счастіи”?

Твой Тесьминовъ дуракъ, въ лучшемъ случаѣ — неврастеникъ. Предупреди его, что если онъ будетъ продолжать метаться отъ бабы къ бабѣ — ему не миновать моихъ рукъ. Я его имѣль удовольствіе знать — въ Гомелѣ. Онъ пріѣхалъ туда съ женой, спасаясь отъ голода. Устроился завѣдывать Музсекціей. Что-то тамъ наворачиваль. Потомъ влюбился въ маленькую актрису. “Любовь” они закрутили всерьезъ: онъ бросилъ жену, перебрался къ ней. Жена ловила его на улицѣ и била по мордѣ. Однимъ словомъ — “личная трагедія”. При наступленіи бѣлыахъ, онъ собрался эвакуироваться, чего-то застрялъ — съ тѣхъ поръ я его не видѣлъ. Ну, а продолженіе этого “романа” всяко-му ясно.

Нѣтъ, батенька, гигіена тѣла и гигіена духа — идуть всегда обѣ руку. Любовь — это какъ въ сторону — тогда только и дѣлу хорошо, и тебѣ удовлетвореніе и другимъ на потребу. А десять дѣлъ заразъ не передѣлаешь, — только напортишь.

О себѣ скажу одно: съ женой своей встрѣтился на работѣ — было намъ съ нею сообща ловко, понимали долгъ одинаково и рѣшили дѣлать дѣло дальше — сообща: поженились. А люблю я сейчасъ всего больше — дѣтишекъ своихъ. Растутъ крѣпышами, вырастутъ — станутъ людьми. Они-то, — если ты къ тому времени все еще не поум-

нѣешь,—научать тебя, какъ строить личную жизнь,
себѣ на счастіе, другимъ на пользу. А мнѣ недосугъ.

Курдюмовъ.

XX

Маріи Васильевнѣ Угрюмовой — анонимъ

Мѣстной почтой, 2 іюня.

Сударыня, Вашъ любовникъ обманываетъ Васъ безстыднымъ образомъ. Это негодяй, я Вамъ доложу, первостепенный. Если желаете убѣдиться — отправляйтесь сегодня къ четыремъ часамъ на Ласточкино гнѣздо (въ старый домъ). Тамъ у него свиданіе съ докторшей О. Самъ собственными ушами слышалъ — сомнѣній нѣтъ.

Сердечно Вамъ преданный N

XXI

**Врачъ-терапевтъ, ассистентъ клиники Василій
Александровичъ Васильевъ — Надеждѣ Ивановнѣ
Ольгиной въ Кириле**

Москва, 2 іюня.

Надюша дорогая, большое спасибо тебѣ за розы. Онѣ дошли совершенно свѣжими — я ихъ поставилъ у себя на столѣ. Странно только, что не пахнутъ. А вотъ письмо твое мнѣ не нравится. Оно какое-то не такое, какъ всегда у тебя — толковое и разсудительное. Во многомъ не разберусь. Съ одной стороны, выходитъ такъ, что тебѣ въ “Кириле” очень весело. что у тебя интересные знакомые, что ты замѣтно поправилась, кстати, ты совсѣмъ не пишешь, температурить-ли тебя днемъ, я просилъ слѣдить за этимъ, а съ другой стороны, ты какъ-то неясно пишешь, что несмотря на возможность продлить свой отпускъ, ты все же пробудешь въ Крыму до конца мѣсяца, а можетъ быть и того меньше, что ты почему-то должна такъ поступить. Это ужъ совсѣмъ нелѣпо. Ты знаешь, какъ важно тебѣ набраться силъ къ зимѣ — уѣзжала ты донельзя переутомленной, истощенной, и я увѣренъ, держалась на ногахъ только нервами.

Грѣшно было бы сейчасъ не воспользоваться случаемъ и по-настоящему не окрѣпнуть. На буду-

щій годъ врядъ ли удастся снова устроиться въ домѣ отдыха.

Ты пишешь что хочешь увидѣть скорѣе меня, что у тебя будетъ серьезный разговоръ со мною. Ты не можешь сомнѣваться, что и мнѣ хочется быть съ тобой и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, но наши отношенія, наши чувства настолько прочны, такъ неизмѣнны, что, право, мы можемъ быть серьезными и не поддаваться минутнымъ слабостямъ.

Скажу тебѣ откровенно — здоровье твое меня сильно беспокоило, особенно, въ связи съ твоимъ неумѣніемъ беречь себя отъ переутомленія, и вотъ почему я настойчиво рекомендовалъ бы протянуть твое пребываніе въ “Кириле” возможно дольше. Само собою разумѣется, что это мое предложеніе нисколько не можетъ быть истолковано, какъ нежеланіе тебя видѣть. Ты сама врачъ и поступила бы такъ же въ отношеніи меня, если бы это вызывалось необходимостью.

Что касается серьезного разговора, то онъ, мнѣ кажется, у насъ всегда серьезенъ, поскольку серьезны мы сами въ отношеніи другъ къ другу, а потому не думаю, чтобы разговоръ, о которомъ ты пишешь, требовалъ исключительной обстановки и спѣшности. Въ крайнемъ случаѣ — въ нашемъ распоряженіи почта.

Ты еще говоришь въ письмѣ, что я, быть можетъ, недостаточно хорошо тебя знаю, что ты во все не такая, какъ я тебя представляю, что ты сама перестала понимать. Это для меня, дѣйствительно, что-то новое. Но объясняю себѣ такое твое состояніе только лишь естественной реакцией, какъ отраженіе быстро-крѣпнущей физики, рѣзкой перемѣнной обстановки, среды, вынужденнымъ бездѣльемъ послѣ напряженной работы.

Все это пройдетъ, когда возстановится равновѣсіе. Ошибаться я въ тебѣ не могъ, а представлять себѣ то, чего нѣтъ — не въ моихъ правилахъ. Я думаю, что еще до полученія этого письма ты сама будешь посмѣиваться надъ своей экспансивностью.

Первая и самая неотложная задача передъ тобою сейчасъ — извлечь максимумъ пользы изъ своего пребыванія въ Крыму. Объ остальномъ по-забочусь я.

Повторяю, намъ незачѣмъ задумываться надъ собою, а слѣдуетъ серьезно думать о нашемъ общемъ ближайшемъ будущемъ, когда мы заживемъ вмѣстѣ. Въ выдержанкѣ и спокойствіи — залогъ счастья, а любовь наша такъ испытанна, что ей ничего угрожать не можетъ. Тѣмъ болѣе, что осень не загорами.

Крѣпко цѣлую свою симпатикотонику

Вася.

XXII

**Раиса Григорьевна Геймеръ — Михаилу
Андреевичу Угрюмову въ Москву**

“Кириле”, 3 іюня.

Не радуйтесь и не злорадствуйте. Пишу Вамъ эти нѣсколько строкъ вовсе не изъ желанія заявлять переписку, а еще менѣе изъ желанія возобновить знакомство. Пишу только для того чтобы сообщить, что я — беременна. И отецъ будущаго ребенка — Вы. Сообщаю это для свѣдѣнія, но отнюдь не для трогательныхъ изліяній — я знаю — Вы чрезвычайно сентиментальны. Не отвѣчайте — письма буду рвать. АбORTа не хочу — ребенокъ долженъ жить. Что побуждаетъ меня такъ поступить? Мое желаніе.

Что заставило меня сообщить Вамъ это? Мой долгъ.

Прощайте
Р. Г.

XXIII

Изъ записокъ Антона Герасимовича Печеньыхъ

4 іюня.

Ну, конечно, узналъ! Прохвость этотъ Тесьминовъ патентованный. Такихъ бы вѣшать, а не аплодировать имъ, какъ это дѣлаютъ наши дуры и дураки. Вотъ самые достовѣрные факты изъ пер-

выхъ рука. Тесьминовъ этотъ уѣхалъ изъ Москвы, спасаясь отъ женъ — у него ихъ двѣ: съ одной не-вѣнчанной онъ прожилъ шесть или семь лѣтъ, отъ нея имѣется дочь, на второй онъ женился недавно, расписавшись по формѣ, но черезъ мѣсяцъ вернулся къ первой, а потомъ махнулъ сюда, къ этой самой Марѣ Васильевнѣ, съ которой живеть открыто... Но это что! Теперь ухлестываетъ за докторшой — каждый день ей нагло при всѣхъ розы изъ Чайра носить. Вмѣстѣ они съ утра до вечера шляются. Воображаю. Похоочеть она, когда всѣ узнаютъ про него! Ужъ мы постараемся — дуръ учить надо!

Общественная язва, такіе люди, какъ Тесьминовъ. Талантишкомъ своимъ не оправдается! Суду гласности предать слѣдуетъ — показательнымъ процессомъ. И стерва же тоже эта Марья Васильевна! Мать двухъ дѣтей, жена почтенного человѣка, ученаго, предается адюльтеру, не моргнувъ глазомъ. Ну, и домъ отдыха! Отъ такихъ дѣлъ совершенно разболѣешься.

Послѣднія ночи не сплю напролетъ. Луна играетъ во всю, теплынь, и москиты подлые кусаются. Порядочному человѣку всегда одни огорченія. Не бѣгать же мнѣ, какъ Тесьминову, въ обнимку съ докторшой или вродѣ Пороши по ночамъ лазать за бытовымъ материаломъ. Я пріѣхалъ силь набирать, укрѣпить нервы на трудную зимнюю работу. Едва выбрался. Какихъ трудовъ стоило свидѣтельство докторское получить, о скідкѣ хлопотать, комиссию улещивать. И все зря пропадаетъ.

Вчера вѣшался — за недѣлю полтора фунта прибавилъ только. Нѣтъ — кончится тѣмъ, что составлю подробную записку куда слѣдуетъ. Пусть найдутъ для развлекающихъ другое мѣстечко.

XXIV

**Актриса “Молодого театра” Елена
Прокофьевна Леонтьева — Лидія Георгіевнѣ
Кашкиной изъ Москвы въ Ай-Джинъ**

4 іюня.

Мнѣ страшно, Лида, если бы ты знала, какъ мнѣ страшно было читать твое письмо. Это не совпаденіе — нѣтъ, это что-то болѣе жуткое. Я цѣлый день сегодня, какъ во снѣ, сама не разберусь въ своихъ чувствахъ, не могу заставить ихъ течь по опредѣленному и ясному руслу. И въ этомъ виновата ты.

Сейчасъ ночь. Помни, нужны были цѣлые сутки, чтобы заставить меня написать тебѣ хотя бы что-нибудь, имѣющее смыслъ. Ты не понимаешь? Я знаю. Но ты, милая Лида, ты — мой другъ, почти сестра, заставила меня страдать. Я постараюсь тебѣ объяснить, насколько это сейчасъ въ моихъ силахъ. Мысли путаются, рвутся — волнуюсь...

Много разъ, Лида, ты спрашивала — не понимая — о моей жизни, о моихъ отношеніяхъ съ Рюминымъ. Я не могла, не умѣла ихъ объяснить тебѣ — такой уравновѣшеннный. Я говорила: люблю его. Но этого мало, это не то слово — я больна имъ.

Раньше, ты помнишь, какъ я любила себя, жизнь, солнце. Вотъ сказала — солнце. Какъ оно нужно мнѣ сейчасъ. Ты спрашиваешь, когда я поѣду туда, къ тебѣ, къ морю. Никогда.

Я не заблуждаюсь, не обольщаю себя. Я знаю твердо — конецъ мой близокъ — съ легкими все хуже. Но я не пріѣду. Все потому же, Лида. Изъ-за него. Боюсь признаться, но, можетъ быть, онъ даже былъ бы радъ, если бы меня не было съ нимъ, — здѣсь, сейчасъ. Я, я, я не хочу ъхать...

Если бы ты знала, какъ стыдно, непереносимо стыдно бываетъ мнѣ за себя, за всѣхъ наасъ, за него...

Я знала и тогда, давно, что онъ не бросить жену, не уйдетъ — обѣ этомъ не было и рѣчи. Но я полюбила, шла съ радостью на униженіе съ перваго часа, какъ сошлась съ нимъ. Съ того часа я поняла, что у меня больше нѣть иного желанія, кромѣ одного — подчиниться чужой волѣ. Онъ силенъ, онъ никого не любить, кромѣ себя, но онъ умѣеть заставить повѣрить, что вотъ ты — одна для него все. Умомъ не вѣрю, а сердцемъ, душою хочу вѣрить, дѣлю видъ, что вѣрю. Мнѣ нужно было выбирать или уйти совсѣмъ, или смириться. Я смирилась, потому что не могла уйти.

Никогда не забуду стыда своего, когда въ первый разъ пришла къ нему въ домъ, къ его женѣ. Онъ явился позже — спокойно поцѣловалъ жену въ лобъ, а мнѣ, сдержанно улыбаясь, пожалъ руку. Я хотѣла крикнуть: я имѣю тѣ же права, что и она — больше правъ, потому что сильнѣе люблю. Нужна была вся сила воли, чтобы не уйти, не расплакаться. Потомъ я привыкла, не могла отъ этого отказаться: входить къ нему въ домъ, улыбаться Тамарѣ, говорить съ нею о театральныхъ дѣлахъ...

Одного не могу понять до сихъ поръ — для чего нужно было ему вводить меня къ себѣ въ домъ, знакомить съ женой, дѣлать меня чѣмъ-то своимъ, домашнимъ. Въ то время я еще была

такъ наивна, что вѣрила — для него я одна. Есть, правда, жена. Ну, что же — жена это что-то незбѣжное, жена — это чистота — домъ, нянька для дѣтей, уютъ. Съ женой я могла мириться, даже чуть чуть презирала ее, какъ каждая женщина, которая чувствуетъ себя сильнѣе. А послѣ разгля-дѣла иначе. Да, есть жена — Тамара. Но кто она? что думаетъ? чѣмъ живетъ? Увидѣла ясно — она в с е знаетъ, все видить, и не я, а она смѣется надо мной.

Четыре года каждый почти день прихожу я къ Всеволоду, цѣлуюсь съ Тамарой, сажусь на диванъ — жду. Каждый день жду. Каждый день пытка первого вечера повторяется съзнова, а отказаться отъ нея не могу. Можешь ли ты, гордая, представить себя на моемъ мѣстѣ...

Но зачѣмъ я пишу все это? Какое это имѣеть отношеніе къ твоему письму? Можетъ быть пишу для себя, но ты слушай — связь есть. Я люблю его. Въ этомъ все. Твое письмо лишило меня покоя. Не понимаешь? Оно напомнило мнѣ о томъ, что сейчасъ меня больше всего мучаетъ.

Ты пишешь о Тесъминовѣ. Такъ вотъ — его жена Варя, акриса. О ней я хочу говорить. Я съ ней служила въ двадцатомъ году въ Новороссійскѣ. Что это за человѣкъ? Не знаю. Теперь я ее ненавижу и боюсь. Только тебѣ признаюсь въ этомъ—боюсь. Лида, вѣдь онъ—Всеволодъ—увлеченъ ею такъ, какъ никогда никѣмъ за эти годы. Онъ ищетъ встрѣчъ съ нею, онъ уходитъ отъ меня и жены къ ней, онъ думаетъ о ней, а онъ никогда раньше не думалъ о женщинахъ, которыхъ имѣлъ. Раньше, когда онъ увлекался, я говорила себѣ — онъ вернется. Изъ насъ двухъ — меня и жены — я была послѣдняя. Ну, что же — вторая жена. То же чувство, должно быть, испытываютъ жены му-

сульманъ. Я даже гордилась. Чѣмъ? Тѣмъ, что приходящіе къ Всеволоду знакомые, привыкли видѣть насъ двухъ неизмѣнно около него, нашего общаго мужа. Съ Тамарой я объяснилась безъ словъ. Если бы онъ захотѣлъ, я бы осталась у него жить, Тамара не возражала бы. Повѣрила ли бы я этому десять лѣтъ назадъ? Никогда.

Но вотъ — Тесьминова... Она способная актриса, съ четкимъ пріятнымъ жестомъ, выразительной мимикой. Ея сѣрые, большіе холодные глаза смотрятъ пристально, въ упоръ, не мигая, какъ у ночныхъ птицъ. Когда я ихъ увидѣла я поняла, что она сильнѣе насъ. Она любить театръ до самозабвенія, говорить и думаетъ только о немъ.

Внѣ сцены она дѣлается сѣрой и скучной. Ея ничто не интересуетъ. Она можетъ сидѣть на помятой кровати цѣлыми часами, непричесанная, полуодѣтая, подобравъ подъ себя ноги, съ осунувшимся, безцвѣтнымъ лицомъ и курить до одури одну папироску за другой... И все же она ему нравится. А я, которая за всѣ эти четыре года не забывала одѣться для него, причесаться для него — меня онъ пересталъ замѣчать.

Зачѣмъ она сидитъ у насъ ежедневно? Зачѣмъ ея холодные глаза, не мигая, смотрятъ на меня и Тамару съ снисходительнымъ превосходствомъ? Она курить свои папиросы и наблюдаетъ. Тогда я вижу, что Всеволодъ начинаетъ волноваться, теряетъ свой апломбъ, дѣлается почти жалкимъ, униженнымъ. О, я знаю — онъ съ ней считается, какъ съ человѣкомъ, а въ насъ онъ видѣтъ только женщинъ. Насъ онъ можетъ любить — двухъ, трехъ, четырехъ, сочетать насъ вмѣстѣ — и никогда не подумаетъ, что это можетъ оскорбить. Ее, если полюбитъ, то полюбитъ одну. Тогда другихъ єму будетъ не нужно. Ты понимаешь?

Если бы я была уверена въ томъ, что сегодня, завтра, скоро — она сдѣлается его любовницей, я была бы спокойнѣй. Но я боюсь, что она никогда ею не будетъ. Она можетъ быть только одной. Въ ней есть какая-то уверенность въ томъ, что надо, чего не надо дѣлать, какъ поступать. То, чего нѣтъ въ насъ. Это его покоряетъ.

Ушла ли она отъ Тесьминова, или онъ ее бросилъ? Что заставило ихъ разойтись? Я помню въ Новороссійскѣ, когда Тесьминовъ, разъѣзжая въ концертномъ турнѣ по Кавказу, заболѣлъ сыпнымъ тифомъ, она не отвезла его въ больницу, а беременная на пятомъ мѣсяцѣ, до нельзя истощенная, продолжала работать въ театрѣ и цѣлыми ночами пестовала мужа, лазала на крышу за снѣгомъ для компрессовъ, бѣгала на рынокъ продавать послѣднія тряпки. Въ дни кризиса видѣла ее на репетиціяхъ съ неизмѣнной папирской въ зубахъ, стопически улыбающуюся на шутки товарищей, четко читающую свою роль. Ни одного жалостливаго слова, ни одной слезливой нотки, ни одного жеста отчаянія и усталости. Я, другая, третья, способная на такое самопожертвованіе, въ концѣ концовъ, сдались бы. А вотъ она вынесла все, несмотря на то, что сама была похожа на смерть. Уже послѣ выздоровленія Тесьминова я спросила ее:

— Какъ вы могли вынести на своихъ плечахъ всю эту муку?

Она посмотрѣла на меня съ искреннимъ удивленіемъ и, попыхивая папирской, отвѣтила:

— Ну, что вы. Вѣдь иначе нельзя было.

И въ этомъ отвѣтѣ она сказалась вся.

У нея родилась дѣвочка. За пять дней до рода она играла центральную роль въ какой-то пьесѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ — она снова была на сценѣ. Ее можно было бы назвать ка-

менной, если бы не знать то, что знаю я. Но я не понимаю, какая же въ ней сила, если не сила любви. Любила ли она Тесьминова? Даже въ тѣ дни я не слыхала, чтобы она говорила о немъ съ лаской. Съ нимъ она была также ровна и суха, какъ и съ другими. Но чувствовалъ ли онъ на себѣ гнетъ этой замкнутости? Не подавляло ли его то, что такъ покоряетъ Всеволода — ея неженское?

Можетъ ли она вообще любить? Я не понимаю ее и потому боюсь. Мы встрѣтились съ ней теперь послѣ пяти лѣтъ... Въ томъ, какъ она вошла впервые къ Всеволоду, какъ посмотрѣла спокойно, съ любопытствомъ на насть, на Всеволода, уже сказались ея превосходство и ея сила, но не любовь. Она его не любить.

Въ чемъ ея сила? Можетъ быть въ томъ, что она никого никогда не любила, не умѣеть любить.

Я боюсь, Лидочка, меня все время мучаетъ страхъ. Я иду по улицѣ и читаю вывѣски изъ сувѣрнаго страха передъ несчастьемъ.

Уѣхать, уѣхать. И не могу. Вернусь чужой, а она, Варвара Тесьминова, заставить забыть всѣхъ насъ, овладѣеть имъ совсѣмъ. Нѣтъ, лучше все видѣть, все знать.

А тутъ твое письмо о ея мужѣ. Мнѣ показалось это какимъ-то знакомъ судьбы — хорошимъ или плохимъ? Хорошаго я уже не жду для себя.

Пиши скорѣе, моя родная, успокой

Твоя Лена.

P. S. Милый, дорогой другъ, узнай мнѣ — напиши, прошу — ты же, вѣдь, встрѣчаешься съ

Тесьминовы́мъ — почему онъ разстался съ Варей?
Изъ-за Всеволода или нѣтъ. Здѣсь никто ничего
толкомъ не знаетъ. Нелѣпые слухи, сплетни, а
гдѣ правда? Помоги мнѣ — я очень страдаю.

Л.

XXV

Евгения Петровна Вальященко — Гладышевой въ Колпино

Деревня Кореизъ, 4 іюня.

Дрянь же ты пломбированная, милуха. Я тебе такія письмища откатываю, а ты открытки царапаешь. Что у васъ тамъ въ Колпинѣ — только и дѣлаютъ, что спятъ, что ли? И сама ты романа не закрутила? Ври больше! я тебя хорошо знаю, ты, вѣдь, на всѣ штаны со складкой безъ дрожи смотрѣть не можешь. И нашла тоже мѣсто — Колпино! Или опять онъ? Смотри — только не заразись. Мнѣ недавно одинъ докторъ разсказывалъ, что девяносто пять процентовъ мужчинъ больны. Чортъ знаетъ что! Я до того перетрусила, что пять дней ходила сама не своя. Потомъ надѣйкой смѣялась — вѣдь, Сонечка, я знаю — здорова. Ну вотъ, понимай какъ хочешь.

А все-таки ея Игорь — отчаянный мужчина. Даже не знаю, какъ это вышло. Только обѣ этомъ послѣ, а тутъ у насъ такое накрутило, что не дай Богъ. Мужъ Сонечки все еще не пріѣхалъ, и я ему отъ ея имени нѣжныя письма составляю. Она говоритъ, что сама не умѣеть — противно. Игорь очень съ ней сейчасъ нѣженъ. Я его срамила за невѣсту — онъ ее отшилъ окончательно, а все съ Сонечкой. Я очень этому радуюсь — она такая славная. Ты только, пожалуйста, не думай, что у

меня съ нимъ серьезно! Чепуха! Просто по пьяной лавочкѣ. Потому что противъ Сонечки я никогда себѣ не позволю.

За мной очень ухлестываетъ нашъ Сандовскій. Все о литературѣ разговариваетъ, далъ мнѣ читать "Любовь Жанны Ней" Эренбурга — очень трогательно. Я съ нимъ задаюсь до черта! Ты представляешь?

А еще подныриваетъ тутъ ко мнѣ одинъ учный изъ Харькова — Печеныхъ — слюнявая такая образина. Прямо проходу не даетъ. Я купаться — онъ за мной. Раздѣнусь, — смотрю уже лѣзть изъ-за камня. Ноги у него, какъ у мертвеца — голубыя, тощія, съ надутыми жилами — отъ одного вида тошнить. Я ему прямо въ лицо смѣюсь, а онъ хоть бы что. Все меня подговариваетъ переѣхать въ Харьковъ. Обѣщаетъ хорошее мѣсто. Нашелъ дуру!

А вчера присталъ познакомить меня съ Марьей Васильевной, будто нужно ему для какихъ-то объясненій. Тесьминова честить почемъ зря. Откуда только выкапываютъ про него, да не про него одного, а про всѣхъ, — точно кругомъ одни мерзавцы. Рассказывалъ мнѣ, что слыхалъ, какъ Тесьминовъ назначалъ свиданіе докторшѣ Ольгиной на Ласточкиномъ гнѣздѣ, и что будто бы предупредилъ объ этомъ Марию Васильевну черезъ общую знакомую, но та не пошла, а онъ пошелъ и видѣлъ, Тесьминовъ цѣловалъ Ольгину и рассказывалъ ей про свои любовныя неудачи, а она его утѣшила. Конечно, вретъ половину, но все-таки похоже на правду. Ольгина теперь съ Тесьминовымъ бѣгаеть каждый день, даже въ тенись перестала играть. Не понимаю этого Тесьминова — выбираетъ себѣ одну хуже другой. Ольгина эта — настоящій скелетъ — я съ ней купаюсь — груди совсѣмъ нѣтъ,

какъ у мальчика. Только она мнѣ больше Угрюмовой нравится — все-таки моложе и веселая. А Марья Васильевна настоящая панихида. Поѣдомъ его грызетъ.

Вообще, тутъ всѣ въ любовной паникѣ, — чертовски весело!

Ну хватить съ тебя на этотъ разъ.

Цѣлую

Женя.

XXVI

Сергѣй Пороша — журналисту Семенецкому въ Зарайскъ

“Кириле”, 6 іюня.

Вотъ что, башковатый, я тебѣ скажу: Крымъ письменному человѣку погибель — точно въ банкѣ съ гумми-арабикомъ, — со всѣхъ сторонъ липнетъ — красоты всякия, горы, сласти, жарища, исторія — гуртомъ. Такъ и хочется сказать: — осадите, товарищи, маленько. Только некогда. Ходишь — потѣшь отъ натуги.

Стоялъ тутъ недалеко, гдѣ теперь Маякъ — римскій легіонъ лагеремъ, сторожили подступъ съ моря, а сейчасть нашъ рязанскій мужичокъ въ сѣро-зеленої пижамѣ принимаетъ солнечныя ванны. Два рубежа — два міра, двѣ вершины, какъ на Ай-Петри — Римъ и СССР.

Но я не обѣ этомъ, а о русскомъ интеллигентѣ — о двухъ интелигентахъ — доисторическомъ, дооктябрьскомъ и сегодняшнемъ, скоро спѣломъ. Они тутъ оба подъ одной крышей, у одного стола, вмѣстѣ по звонку встаютъ, ъдятъ, спятъ. Два міра, двѣ вершины отъ одного кряжа — русской культуры, русскаго духа, души — дыханія. Здѣсь они не въ работѣ, не въ навыкахъ, не въ идеологическомъ подходѣ, а въ одной банкѣ склеены, какъ муhi стиснуты на чужомъ мѣстѣ, подъ барской велиокняжеской крышей (чужой — имъ обоимъ)

для отдыха, для дыханія, для души. Здѣсь они оба на солнцѣ — два голыхъ русскихъ человѣка. Здѣсь имъ — стиснутымъ, склееннымъ — не о великому, не о вселенскомъ забота, а о себѣ, о своей душѣ, о вѣковѣчномъ — о Любви.

Вотъ здѣсь я узналъ:

черезъ мятель, черезъ голодъ, вши,
разстрѣлы, войны, черезъ революцію,
минуя всѣ запреты, затворы, загражденія,
— русское сердце не притупилось,
— болѣеть вѣковѣчной болью —
— Любви, какъ ни одно сердце въ мірѣ.

Вздоръ все о томъ, что умерли грезы и розы, кровь и любовь, что все это — по ту сторону Октября. Великая ложь. Никогда такъ больно, сладко, строго, глубоко — не носили въ себѣ русскіе люди радость и страданіе Любви, какъ сейчасъ. Самая это теперь большая, бередящая тема.

Раньше были у любви — перегородки, закуточки, парадныя и отхожія мѣста. Раньше такъ: честная, порядочная, приличная любовь — бракъ, семья, двухспальная кровать; неприличная, тайная, запретная любовь — ракитовый кустъ, адюльтеръ, публичный домъ Для средняго, для маленькаго, для рядового человѣчка была у любви соответствующая формочка — съ флердоранжемъ (ангельская любовь), съ клубничкой (любовь - развлеченьице). Невинная девушкина и проститутка. Церковь и публичный домъ. Рядомъ, но за перегородочкой. Ходилъ маленький рядовой человѣкъ и туда и сюда по-желанію — зналъ: тамъ — благодать, здѣсь — скверна; выбиралъ любовь по сортамъ, не имъ расписаннымъ, взвѣшивалъ по вѣсамъ, не имъ установленнымъ, судилъ добротность

не своимъ судомъ. Если иногда ошибался дверью или озоровалъ — велъ дѣвку публичную подъ вѣнецъ, а невинную — въ домъ свиданій — тотчасъ же получалъ должное возмездіе и, вспоминая совѣсть, каялся. Могъ любить, не вѣдая великаго, страшнаго, въ себѣ самомъ таящаго законъ, единаго для всѣхъ дыханія любви.

Въ мятели, въ крови, въ потѣ Октября, сорвало, сломало, искрошило всѣ перегородочки, сбило послѣдній оплотъ мѣщанской нравственности — публичный домъ и церковь. Вышла въ мятельные просторы, въ стужу, въ разливъ неустроенной нашей, вспѣнной жизни — Любовь — голой, беззаконной, шалой, страшной въ своей извѣчной, самодержавной красѣ.

Какъ быть маленькому человѣчку (а много ли у насъ большихъ людей), простому, среднему русскому человѣку съ сердцемъ, какъ устроиться со своею совѣстью, какъ возвести новыя перегородки, когда нѣтъ давно ему постылыхъ, но привычно знакомыхъ — церкви и публичного дома? Великая мука, непосильная тягота нести среднему человѣку бремя любви, для которой кѣмъ-то сильнымъ не уготованы еще прямые, для всѣхъ видимые пути.

Это я о русскомъ интеллигентѣ хотѣлъ говорить, но сказалъ о всякомъ русскомъ, о всѣхъ русскихъ послѣ гоньбы, борьбы, устали, присѣвшихъ, наконецъ, передохнуть, оглянувшись вокругъ себя, — изъ міра вселенной укрывшихся въ свой міръ — душу.

И не о томъ, а уже просто о мужчинѣ и женщинахъ, которымъ предопределено съ начала началъ — любить. Сейчасъ они во всемъ равны и свободны. Сейчасъ имъ двоимъ рѣшать, кроить, судить, строить общую жизнь. А навыки старые, а дѣти родят-

ся, какъ рождались. А кровать — одна, и м о й ,
м о я не только на языкѣ, но и въ сердцѣ, какъ въ
дни, когда умыкали невѣсть. Какъ быть съ дозво-
леннымъ и запретнымъ, съ благодатью и скверной?
Кто разсудить?

Раньше было н е л ь з я , теперь м о ж н о .
Какъ можно? Можно стало тяжелѣ — нельзя.
Легче быть судимымъ, чѣмъ судить самого себя.

Здѣсь, въ Крыму, — люди на отдыхѣ, какъ на
ладошкѣ, подъ солнцемъ — голые, какъ на духу.
Вся Россія — въ своихъ лучшихъ представителяхъ,
что ли: крестьянъ, рабочихъ, партійцевъ, интелли-
гентовъ. По дворцамъ отъ Ялты до Алупки, вдоль
всего берега — голыми, лицомъ къ солнцу, морю,
въ бездѣліи на единѣ со своею душой. Почти всѣ
разными голосами — обѣ одномъ — “ н е л а д н о
у на съ въ д о м у ”. Надо бы перетрястиperi-
ны — клопинный духъ все еще живъ. Мой, моя, —
нашъ.

Мѣщанство, собственничество, разбродъ.

Одинъ молодой партіецъ хорошо сказалъ:
— Растрепство у насъ въ любви пошло.

А рабочий-металлистъ угрюмо:

— Надо бы декретомъ... сами не удумаемъ.

Нашелся и такой: — красный герой, кремень,
любо смотрѣть, — съ лютостью ударивъ по камню
бронзовымъ кулачищемъ, отрѣзаль:

— Запретить подъ страхомъ смерти совмѣст-
ное жительство, — иначе всѣмъ завоеваніямъ ре-
волюції крышка.

И, можетъ быть, хоть съ первого взгляда глупо, а онъ правъ. Каждому, — ему и ей — свои
судьба, своя дорога, и только общая радость лю-
бви.

Не знаю. Не думаю. Знаю одно — какъ всѣ
кругомъ — не ладно у нась въ дому.

И еще: ъздила намъдни верхомъ съ композиторомъ Тесьминовымъ въ Симеизъ въ обсерваторію. Привезли туда изъ Англіи тяжеленные приборы... — все еще не собрали. Вѣтеръ съ ногъ валить. Живеть человѣкъ съ женою на горѣ подъ вѣтромъ, считаетъ звѣзды. Звѣзды ему, какъ мнѣ — слова, — все въ нихъ. Любить жену. Жена говоритъ — больше не могу слушать вѣтеръ, уйду отъ тебя. Сидить человѣчекъ: смотрить въ трубу, въ стужу, смотрить въ небо, думаетъ каждую ночь — жена или звѣзды? или безъ жены, или безъ звѣздъ. Только это не примѣръ — это во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ.

Смотрѣль въ трубу на Сатурнъ. Ядрышко орѣха, а вокругъ колючки. Тесьминовъ споритъ:

— Что вы — не меньше дѣтскаго мячика!

Астрономъ смѣется.

— Это, — говоритъ, — всегда такъ. Каждый видить по своему, одному кажется звѣзда больше, другому меньше, а труба-то одна, одной увеличительной силы.

Ты это замѣть — на все въ мірѣ смотримъ мы разными глазами.

А ъхали назадъ — увидали лошади осла. Испугались, понесли, сшибли меня и Тесьминова съ сѣделъ. Пострадали, выходить, мы оба отъ глупости.

Это уже опять про интеллигента русскаго и его судьбу.

Ну, вотъ тебѣ и всѣ мои крымскія впечатлѣнія. Прощай.

Сергѣй Пороша.

XXVII

Марія Васильевна Угрюмова — Николаю Васильевичу Тесьминову

(Записка, положенная на столъ въ комнатѣ Тесьмина въ
8 ч. утра 7 іюня).

Хочу, чтобы зналъ. Но только молчи, не говори со мной объ этомъ. Вчера, возвращаясь съ купанья по верхней дорожкѣ мимо мужского пляжа, подъ кручей я увидѣла тебя. Ты стоялъ на высокомъ камнѣ, поднявъ руки кверху — впервые весь былъ передо мной. Мнѣ стыдно было остановиться — я прошла быстро, но запомнила все — вытянутое, напряженное, тонкое, юношеское тѣло, сухой коричневый торсъ, втянутый животъ, широкія плечи, залитыя солнцемъ, черное сердце волосъ на высокой груди, нѣжныя мальчишескія руки. И тогда я поняла тебя.

Прости меня за все. Ты не можешь быть другимъ, не долженъ. Кто еще смѣеть въ сорокъ лѣтъ быть юношой? Ты язычникъ, ты фавнъ, случайно живущій среди людей, — у тебя душа ребенка, тебѣ доступно то, что мы давно утратили, и непонятно то, что мы считаемъ безусловной истиной. Не смѣйся. Подумай надъ этимъ и ты согласишься со мной. Вотъ почему ты такой жадный къ жизни, къ любви, къ новому.

Я пришла сейчасъ къ тебѣ и принесла цвѣтовъ. Ты спалъ — голый, простирая съѣхала. Я зажмурилась, бросила тебѣ на грудь цвѣты и поцѣловала твои ноги — ты пошевелился — я убѣжала. Теперь я принесла тебѣ эту записку — ты все еще спишь.

XXVIII

**Михаилъ Андреевичъ Угрюмовъ — женѣ Маріи
Васильевнѣ**

7 іюня.

ТЕЛЕГРАММА

Оплаченній отвѣтъ
10 словъ Ай-Тодоръ
Угрюмовой
Изъ Москвы

Знаю причины молчанія здоровы ли мальчики — требую слuchaѣ неблагополучія привоза бѣдняжекъ Родная немедленно Москву надо ихъ беречь телеграфируй

Михаилъ.

XXIX

Петръ Ивановичъ Ольгинъ — сестрѣ Надеждѣ Ивановнѣ Ольгиной въ “Кириле”

Кіевъ, 8 іюня. -

Дина, моя дорогая, — ученый человѣкъ, а дѣвичка, зато и люблю. Ты на меня напрасно взъѣлась, правда, отвѣчаю только на третье письмо, но вовсе не потому, что тебя забылъ. Здѣсь въ одиночествѣ моемъ такого человѣка, какъ ты, мнѣ очень нехватаетъ.

Свободенъ я бываю только поздними вечерами — тогда иду на Днѣпръ и думаю обо всѣхъ васъ. Вы у меня всѣ хорошіе, но ты дороже всѣхъ. Мама добрая, немного испуганная женщина, Младшія сестры — честные ребята, только малость суроваты — будущіе “спецы”, а ты — сама знаешь какая — ты горишь къ работѣ, поэтому мнѣ близка. И смѣешься ты вовсе не съ “захлебомъ”, а, какъ дѣтишки, икая, отъ всего сердца — зубы блестять во всю пасть, носъ кверху, глаза задористые. Иначе тебя и не представляю.

Кіевъ въ майскую пору, чудо, какъ хорошъ. Ночами я любуюсь имъ — не хуже вашего Крыма, а многое милѣе. Но надѣ Днѣпромъ цѣлые соловинные хоры, сирень, огни на Подолѣ, пѣсни съ лодокъ. Здѣсь я встрѣтился съ Анной — съ тѣхъ

дней городъ этотъ мнѣ навсегда родной. Какъ я обрадовался, когда узналъ о назначеніи своемъ именно сюда. До сихъ поръ я не могу понять, не могу разъяснить себѣ, почему Анна отказаласьѣхать.

Вотъ и написалось само собою — то, чѣмъ живу все это время. Даже тебѣ не хотѣлъ говорить этого, пока не рѣшу все самъ. Но ты отгадчица — начала первая, и хорошо сдѣлала. Да, — я и Аннѣ не показалъ виду, какъ мнѣ безмѣрно тяжело было уѣзжать одному. Ты знаешь, она всегда ровна, спокойна, въ ея лицѣ не прочтешь даже досады. Если она говоритъ, что любить меня — значитъ, это такъ, лишнихъ словъ она не признаетъ, объясненій не терпитъ — я тоже, какъ ты знаешь, стыдливъ на чувство или самолюбивъ — еще съ дѣтства. Я пришелъ сообщить ей радостную вѣсть — назначеніе въ Кіевъ, — хотѣлъ сказать “нашъ Кіевъ” — не посмѣль. Она посмотрѣла на меня своими ясными, широко открытыми, прекрасными глазами и отвѣтила: “поѣзжай”.

— Ты развѣ не поѣдешь со мной?

Я опять хотѣлъ сказать — туда, гдѣ мы полюбили другъ друга, къ тебѣ на родину. (Девятнадцатый годъ, бѣшеная работа, первое Мая — сотни дѣтишекъ вокругъ насъ, а вечеромъ усталые, охрипшіе, пыльные у Солодовниковскаго театра послѣ концерта-митинга, остановились, протянули другъ другу руки и сразу, оба поняли — свои, родные, любимы). Навѣрно, и она вспомнила это — знаю, что вспомнила, но отвѣтила все такъ же спокойно.

— У меня здѣсь работа, я ее не брошу.

— Можно попросить о переводѣ.

— Нѣтъ.

Другой на моемъ мѣстѣ сталъ бы объяснять-

ся, доказывать, приводить доводы — я смолчалъ, и хорошо сдѣлалъ. Ея рѣшеніе всегда твердо. А вотъ — пріѣхалъ сюда, и не нахожу покоя. Анна пишетъ мнѣ часто, письма ея ласковы, обстоятельны, бодры. Я знаю, что она меня любить, и все-таки не могу объяснить ея упрямства. Съ ней считаются и всегда пошли бы ей навстрѣчу, если бы она просила объ откомандированіи. Здѣсь дѣла не меньше, чѣмъ въ Москвѣ — всюду она сумѣла бы развернуть себя въ полную мѣру. Привычка? Излишняя щепетильность? Нежеланіе во имя личнаго жертвовать дѣломъ? Психологія часового на посту? Боязнь сдаться, ослабѣть, потерять власть надъ своими чувствами?

Конечно, только что-нибудь честное, что-нибудь по настоящему человѣческое руководить ею. Но она никогда не скажетъ, не станетъ оправдываться — она вѣритъ мнѣ и требуетъ къ себѣ безусловной вѣры. Мнѣ стыдно — но, сознаюсь тебѣ, — меня это мучаетъ, я хотѣлъ бы большей искренности. Мнѣ было бы, пожалуй, легче, если бы узналъ о какой-нибудь ея слабости, но отъ нея самой, если бы она мнѣ въ чемъ-нибудь призналась. Съ какой радостью я бы стерпѣлъ отъ нея все, лишь бы на минуту заглянуть въ ея душу, лишь бы у меня съ нею былъ — нашъ комодъ.

У меня большой соблазнъ бросить все и вернуться въ Москву. Пожалуй, если поднажать, меня отпустили бы. Но я этого не сдѣлаю. Во всякомъ случаѣ не сейчасъ, не потому — что долгъ для меня прежде всего (я не могу сказать этого съ прежней увѣренностью), а потому, что не посмѣль бы признаться въ этомъ Аннѣ. Сказалъ только тебѣ и никому больше.

За тебя радуюсь: и что смѣешься, и что въ горѣлки играешь, и что не щадя живота въ тенись

еражаешься (только лучше не до безчувствія), и что не ведешь разговоровъ "объ умномъ", и даже что "надурила", какъ ты пишешь, съ Тесьмино-вымъ. Легкость духа, дѣтскость — самый большой покой. Немудрено, что Тесьминовъ выглядитъ може своихъ лѣтъ, если основная черта его характера — дѣтскость, перемѣнчивость настроенія, забывчивость. Всегда быть такимъ — не рекомендуется, но изрѣдка — весьма полезно. Иной разъ мучительно пытаешься забыть — и не можешь. А что такое время, годы — какъ не рядъ событий, думъ отмѣченныхъ, запечатлѣнныхъ памятью. Чѣмъ ихъ больше — тѣмъ больше сѣдыхъ волосъ.

Ты замѣтила, что самые моложавые люди — актеры: они помнятъ только свои сценические устѣхи. Эта мысль не совсѣмъ серьезна для такого черстваго службиста, какъ я, но съ тобою можно же быть "дуралѣемъ несусвѣтнымъ". Пускай же не удивляетъ тебя моя снисходительность къ твоей "дурости". Прежде всего, я знаю тебя хорошо, и не боюсь. Здравый смыслъ спасетъ тебя отъ ошибокъ. Во-вторыхъ, только по сравненію съ другими можешь оцѣнить человѣка и сказать послѣднее слово — накрѣпко.

Мы съ тобой однолобы, да, можетъ быть, и не иныхъ людей, а есть только или незнающіе любви, или говорящіе наобумъ это послѣднее слово, а потому всегда не по адресу. Ко вторымъ, по всей вѣроятности и принадлежитъ Тесьминовъ, а къ первымъ Вася. Я стою крѣпко на своемъ — у Васи не любовь къ тебѣ, а разсудочная, честная привязанность, глубокое уваженіе, дружба, — все, что хочешь, — только не любовь. Такъ чувствую, инстинктивно угадываю его отношеніе къ моей Ди-ни. И вовсе это не братская ревность. Я даже вижу ходъ его мыслей — Дина выросла на моихъ

глазахъ, духовно развилась бокъ-о-бокъ со мною, подъ моимъ вліяніемъ, вкусы ея мнѣ извѣстны, характеръ ея закаленъ годами войны и революціи, она неприхотлива, бодра, правдива, работяща, одной со мною профессіи, физически соответствуетъ мнѣ — было бы глупо отказаться отъ нея, какъ отъ жены. Ты скажешь, что всего этого вполнѣ достаточно для прочнаго счастія. Пожалуй — но это все-таки не любовь. Любовь всегда несмотря ни на что, а не ради чего-нибудь. Что лучше въ совмѣстной жизни — расчетъ или любовь — сказать не берусь. А потому никогда не отговаривалъ тебя отъ твоего желанія стать его женой. Тебѣ съ Васей надежно и спокойно.

Я помню выраженіе твоего лица, когда ты говоришь о немъ: "мой человѣчекъ". Но что же мѣшаетъ тебѣ сказать послѣднее слово? Не обманывай только себя, говоря, что виною тому внѣшнія, внѣ нась лежащія, причины. Ну, а разъ это послѣднее слово не сказано — почему же еще подѣтски не скалить зубы, "не дурить". Дури, Динуся, во всю и даже немножко вѣрь Тесьминову. Судя по всему, онъ — искренній малый. Слѣдуетъ быть только осторожнѣй къ его послѣднему слову, а если повѣришь, — то, значитъ, такъ накрѣпко и навсегда. Несчастіе? Какъ знать! Иное несчастіе слаще счастія. Я это хорошо знаю. А разсчитывать не въ нашемъ съ тобою характерѣ, несмотря на то, что въ работе своей мы, можетъ быть, даже излишне точны.

Продолжаю письмо вторую ночь. Исписалъ ворохъ бумаги, а все еще не сказалъ всего. Перечиталъ внимательно твои три письма, стараюсь представить себѣ духовный обликъ Тесьминова. Это очень трудно, не видя человѣка. Анна была на двухъ его концертахъ этой зимою — она гово-

ритъ, что у него блестящая техника, а въ композиціяхъ онъ не ровенъ, но очень ярокъ, восторженъ. Я ни черта въ этомъ не смыслю, но Аннѣ вѣрю. Тесьминовъ, выходитъ, талантливый человѣкъ, а разъ такъ — то объясняется его неряшливость въ отношеніи къ себѣ и людямъ. Русскіе талантливые люди, въ большинствѣ, — всѣ таковы. У нихъ всегда отсутствовала дисциплина. Только революція указала имъ новые пути, подчинила долгу.

То, что онъ рассказалъ тебѣ о себѣ — нелѣпо и путано до крайности, но лишь съ первого взгляда. Самая исповѣдь его передъ дѣвшкой, которую онъ едва знаетъ — въ нашихъ съ тобою глазахъ, — въ глазахъ “скрытниковъ” — кажется странной, но я увѣренъ, что это не игра, не рисовка, а все та же аффектація, восторженность, что и въ его музыкѣ. Нѣть сдерживающихъ центровъ, чувства идутъ впереди разума.

Я понимаю твою неловкость и растерянность при этомъ. Конечно, онъ вѣрить въ свою любовь къ тебѣ, здѣсь нѣть и доли сознательного обмана. Но по настоящему ли это для него послѣднѣе слово? Онъ и самъ никогда не узнаетъ.

Уйти отъ любимой, какъ сдѣлалъ онъ, отъ женщины, отъ которой ребенокъ, пять лѣтъ совмѣстной жизни — только потому, что показалось, что она къ нему охладѣла, что пути ихъ расходятся, и тутъ же кинуться въ объятія другой тоже изъ-закажущеysя возможности успокоенія, съ тѣмъ, чтобы черезъ мѣсяцъ понять свою ошибку и остановиться на перепутьи, — все это для меня непонятно, чуждо мнѣ, а потому даже не подлежитъ моему суду. Если ты въ этомъ не разобралась — слышавшая его, видѣвшая выраженіе его лица, во многомъ разгадавшая его, то гдѣ же

разобраться мнѣ? Ты знаешь осторожность, съ какой я подхожу къ людямъ — мнѣніе о нихъ у меня складывается не вдругъ, но, будучи оформлено — никогда не измѣняется. Мое самолюбіе боится ошибокъ.

Знаю одно — для тебя Тесьминовъ не страшень. Ты сильнѣе его. Если полюбишь — то подчинишь себѣ къ его счастью, если нѣтъ — онъ быстро утѣшится, а ты найдешь большуюувѣренность въ разумности твоего чувства къ Васѣ. Соловьевъ тебѣ моихъ не нужно. Мы оба съ тобой хорошо знаемъ, какъ они вообще безсильны. Поэтому-то и любимъ мы такъ свой “комодъ” — онъ все выслушиваетъ, все понимаетъ, но ничего не совѣтуетъ.

Твой Петунька.

XXX

Михаилъ Андреевичъ Угрюмовъ — женѣ въ Ай-Джинъ

Москва, 8 іюня.

Милая Маня, 23-го числа ты уѣхала изъ Москвы послѣ двухъ свѣтлыхъ дней свиданья и тогда казалось мнѣ, что ты моя — моя любимая. Ты знала, какъ мнѣ тяжело, какую жертву я принесъ тебѣ, согласившись на твой отъѣздъ въ Крымъ, эта жертва могла быть окуплена, если не любовью, то хоть участіемъ ко мнѣ.

Знала, какъ я беспокоюсь за тебя, за себя, за мальчиковъ. Взамѣнъ этого — три недѣли молчанія. Кромѣ двухъ открытокъ съ пути, одной изъ Крыма по пріѣздѣ и двухъ телеграммъ.

Вчера вдругъ получилъ письмо отъ Николая Васильевича. Странное. Души живой въ немъ не чувствую. Почему ѿдешь ты въ Хараксы? Что собираешься тамъ дѣлать? Зачѣмъ опять эта совмѣстная поїздка, эта непостижимая близость, эта "дружба", которой страшна разлука? Если онъ, запутавшійся и запутавшій другихъ, человѣкъ безъ скелета, безъ стержня, рѣшилъ бродяжничать, находя въ этомъ успокоеніе своимъ потрапаннымъ собственной глупостью нервамъ, то зачѣмъ понадобилось тебѣ слѣдоватъ, подобно тѣни, по его пятамъ?

Я даже допускаю съ твоей стороны не только дружбу, но преданную любовь къ этому человѣку, столь чуждому мнѣ, но нельзя же изъ-за этого чувства забывать о дѣтяхъ. Ты измучила меня, я усталъ. какъ никогда, отъ думъ, отъ противорѣчийъ чувствъ, отъ головоломокъ, которыя ты мнѣ задаешь. Не могу, не смѣю заподозрить тебя въ сознательномъ обманѣ, но какъ же сочетать твои увѣренья въ любви ко мнѣ и твое явное, почти безразсудное тяготѣніе къ Тесьминову? Право, иной разъ мнѣ кажется, что онъ обладаетъ какой-то волшебной флейтой, которая влечетъ тебя въ пучину. Но, быть можетъ, въ этомъ твое счастье — я не могу, не смѣю препятствовать тебѣ насладиться имъ въ полной мѣрѣ. Дай же и мнѣ, хотя бы горькій покой — скажи рѣшительное слово, какъ бы оно ни было жестоко.

Два года стою я у порога твоей души, стучусь и не получаю отвѣта. Кромѣ отдѣльныхъ, мимолетныхъ вспышекъ — ничего не имѣю. Богатства свои ты отдаешь просто людямъ, или другому человѣку (не о страсти говорю я, а о женскомъ вниманіи, участіи). Для меня не остается ничего, даже письма, даже вѣсточки о дѣтяхъ. У меня нѣть больше силъ. Нужно найти какую-то новую фазу въ нашихъ отношеніяхъ. Какъ? Не знаю. Иногда думаю, что правильно было бы простое сожительство людей, связанныхъ во многомъ другъ съ другомъ, прежде всего связанныхъ дѣтьми. Но морально мы должны развязать другъ друга. Ты вотъ уже два года куда-то устремляешься отъ меня, а я усиленно за тебя цѣпляюсь.

Жизнь наказываетъ. Ни въ чемъ я уцѣпиться въ тебѣ не могу, даже вся моя огромная напряженность этой зимы, весны — ничего не могла подѣлать. Спрашиваю себя — не страсть ли, не физи-

ческое ли влечение, одно только нась связываетъ?
Ну, да не стоитъ обѣ этомъ.

И все-таки 23-го мая записано у меня въ памяти золотыми буквами, — ты была въ этотъ день моей возлюбленной, моимъ другомъ — женой. Но Богъ съ тобой — я же понимаю всю сумятицу твоей души.

Михаилъ.

XXXI

**Рабфаковецъ Дмитрій Романовичъ Устрявцевъ —
женѣ Раисѣ Григорьевнѣ Геймеръ въ “Кириле”**

Москва, 8 іюня.

Я, Раia, получилъ твое письмо отъ 26 мая и вотъ, что хочу тебѣ сказать. Ты только не подумай, что я хочу прощать или потому, что во мнѣ жалость говорить. Это неправда. Ты должна знать. Нарочно долго не отвѣчалъ, все какъ слѣдуетъ и окончательно обдумалъ.

Я знаю, ты очень гордая, а все-таки, если захочешь, то всегда меня понимала. И мы были съ тобой не только мужъ и жена, а настоящіе товарищи. Я, ты помнишь, такъ тебѣ и сказалъ, когда просилъ быть моей женой, что мнѣ нужно многое еще, чтобы стать съ тобой вровень, но я этого добьюсь. И ты видишь, я шелъ безъ остановки все впередъ, хотя было очень трудно въ мои годы и при работѣ. И ты сама мнѣ помогала и говорила, что я стала совсѣмъ другой.

Но все это не при чемъ, а ты должна знать, что я съ тобой всегда на чистоту, прямо и никогда не обманывалъ. И ты меня тоже никогда не обманывала. Я это цѣню. И ты вспомни, что я отвѣчалъ тебѣ, когда ты говорила, что я могу подумать, будто ты пошла ко мнѣ за тѣмъ, что я комиссарствовалъ и могъ тебя прокормить въ голодные годы.

Я всегда отвѣчалъ твердо, какъ вѣрилъ, что ты меня любишь и я это знаю. А ты мнѣ возражала, что не только меня любишь, а такъ же наше дѣло полюбила. И мы жили, какъ настоящіе товарищи, хотя ты интеллигентка и художница, а я ученъ на мѣдный грошъ, простой мужикъ, шахтеръ.

Революція меня всего перевернула, тогда нужно было дѣлать всякое дѣло — но я зналъ, что мнѣ нужно учиться и ты мнѣ помогла своей любовью и такъ и вела съ этимъ черезъ всѣ боевые годы. Этого никогда нельзя забыть. Это очень большое, этого не вырвешь никакъ. И ты не говори, что я теперь, когда все знаю, тебя разлюблю. Это неправда, и ты сама этому не вѣришь, а говоришь отъ гордости, какъ тогда насчетъ моего комиссарства.

Только, если ты его еще любишь, тогда уже ничего я сдѣлать не могу, а ты пишешь, что нѣтъ, значитъ и ничего нѣтъ. Вотъ, когда я полюбилъ тебя — у меня все изъ сердца ушло отъ прежняго, я не могъ вернуться къ своей первой женѣ. Она мнѣ даже письма писала изъ деревни, а мнѣ ихъ скучно было читать, какъ будто не ко мнѣ. Она мнѣ совсѣмъ стала чужимъ человѣкомъ. Тутъ уже не поможешь. Она тогда собралась ко мнѣ, я тебѣ этого не разсказывалъ, чтобы не тревожить. Пла-кала, въ ноги падала, и зналъ, что жалко, а не жалѣль. Другая передо мною лежала жизнь. Назадъ не своротиши.

Такъ вотъ и я, когда ты собралась отъ меня — сказалъ себѣ — молчи. Не проси. Значить нужно. Ничего не вымолиши. Все сама скажеть, что тогда не сказала — могла себя обмануть. Это я тоже знаю. А тебѣ нуженъ отдыхъ. Я же помню — отчего ты посѣдѣла. Ты не любишь, когда я это говорю. Только мнѣ все равно не забыть, хотя знаю, что иначе нельзя.

Такъ нужно было. Хоть онъ тебѣ родной — все равно для меня долгъ былъ какъ съ врагомъ. А все-таки черезъ свою боль меня поняла и полюбила. Не простила, а поняла. Вотъ и я тоже тебѣ говорю — я понимаю и прошу тебя мнѣ вѣрить.

Просто вернешься послѣ отдыха къ себѣ домой и не станемъ говорить ни о чёмъ.

У насъ тутъ дожди, а у васъ, поди, солнце. Черной станешь, не узнаю. Сижу — долблю во всю, “вгрызься въ гранитъ науки” — не оторвешь. Пріѣдешь — всѣмъ тебѣ похвастаюсь.

Тутъ ко мнѣ одинъ парнишка приходилъ—изъ Юзовки онъ, — тоже думаетъ поступать на рабфакъ. Вмѣстѣ забойщиками были. Смотрѣлъ твои картины. Очень мнѣ завидовалъ, что вотъ у меня такая жена — настяющій спецъ, спрашивалъ откуда взялъ. Я ему, прости, отвѣтилъ, что прямо изъ огня и что ты совсѣмъ наша, а скоро насъ будетъ трое. Потому, что рѣшеніе твое правильное, иначе и не можетъ быть. Только ты берегись, по горамъ не нужно очень лазать.

Прости, что такъ все несуразно написалъ — очень замаялся сегодня на службѣ. Я знаю ты и такъ поймешь.

Будь здорова, пиши.

Твой Дмитрій.

XXXII

Е. П. Вальященко — завѣдывающему виннымъ складомъ

9 іюня.

Вы страшный нахаль и больше ничего. Я васъ презираю. Вотъ и все. Вы думаете, что если я позволила вамъ, то это даетъ право говорить со мной при всѣхъ на ты и фамильярничать? Ничего подбнаго! Вы поставили меня въ глупое положеніе передъ Сандовскимъ, который совершенно другое, чѣмъ вы. Можете позволять себѣ съ Сонечкой что угодно, но это не важно, — должна вамъ сказать, что боюсь "кое-чего". Во всякомъ случаѣ это еще не навѣрное, но все-таки имѣйте въ виду! Я вовсе не намѣренна расплачиваться за ваши ошибки!..

Завтра уѣзжаю въ Москву и если это случится — телеграфирую вамъ. Не будьте трусомъ! У Сонечки есть мужъ, который является юридическимъ лицомъ, а я одна!

Хотя, конечно, пустяки — у меня найдутся свидѣтели — Печеныхъ, напримѣръ. Такихъ, какъ вы учить надо!

Цѣлую тебя, какъ прошлый разъ... нравится?

Твоя Жеже.

XXXIII

Марія Васильевна Угрюмова — мужу въ Москву

Совхозъ “Ай-Джинъ”, 9 іюня.

Это ужъ, наконецъ, издѣвательство которому соверенно нѣть оправданія! Или я жена тебѣ, прожившая вѣрой и правдой съ тобой цѣлыхъ двадцать лѣтъ и которой ты обязанъ вѣрить, ибо ни разу не нарушила я этой вѣры, или сказать: пошла вонъ, сволочь!

Твоя телеграмма даетъ мнѣ основаніе думать, что ты придерживаешься послѣдняго мнѣнія. Забыты всѣ твои слова, забыты всѣ твои “фразы” и я въ полномъ недоумѣніи — что же мнѣ дѣлать дальше. Повѣрь, силь нѣть больше тянуть эту истерику, лучше въ омутъ головой. Вѣдь, я только что въ свой послѣдній прїездъ въ Москву всю душу свою отдала тебѣ на судь и ни одной скрытой мысли не было у меня отъ тебя. Ты зналъ мое твердое рѣшеніе и въ телеграммѣ одной я пишу “твоя всецѣло”, въ другой “жду тебя страстно”. Боже мой, Боже мой. Нѣть силь больше снести еще это оскорблѣніе, а вѣдь я сумѣла найти покой своей душѣ вотъ только что, и все на смарку.

Если ты немедленно не прїдешь сюда (жду около 15-го), я больше не вернусь въ этотъ сумасшедшій домъ, обреку себя на нищенство, но хочу

быть здоровой, — потрудись лишь давать мнѣ на мальчиковъ, ибо я ихъ не отдамъ тебѣ. Чувствую, что скорѣй, чѣмъ ты, сумѣю изъ нихъ воспитать здоровыхъ мужчинъ. Уйду одна ни къ кому — мнѣ не къ кому итти, ни къ кому я не хочу итти, — но, помни — семью разбилъ ты, совмѣстно съ твоимъ обожаемымъ племянникомъ Ефремовымъ. Шлю ему самое горячее и страстное проклятие, радуюсь его несчастью, потому что онъ подлецъ. Прошу передать ему это.

Дорогой цѣнной купила я эти никому ненужные муки зимой, мои колебанія и сомнѣнія, мой такой ничтожный мяtekъ, порывъ такой естественный въ жизни каждой женщины на закатѣ своей молодости.

Вѣдь я же телеграфировала тебѣ “писать пока не могу” и если бы была въ тебѣ вѣра въ меня, ты ждалъ бы спокойно — значитъ не могу писать, нѣтъ сейчасъ силъ для того, чтобы говорить обо всемъ спокойно. А ты считаешь меня способной на такую наглую ложь — не прощу никогда тебѣ этого! Иди отъ такой дряни, бѣги какъ можно скорѣй, какъ можно дальше.

Выводъ ясенъ: честность, прямота, искренность приносятъ лишь вредъ. Обманъ и ложь охраняютъ покой очага. Какъ болыно приходить къ такому выводу.

XXXIV

Михаилъ Андреевичъ Угрюмовъ — Раисъ

Григорьевиѣ Геймеръ въ “Кириле”

Москва, 10 іюня.

Раиса Григорьевна, я ждалъ всего, что угодно, только не такого письма. Я во многомъ и тяжко виновать передъ вами, но никогда мною не руководили злоба или злорадство.

Вы помните, конечно, въ какомъ состояніи полнаго отчаянія находился я, когда пришелъ къ вамъ. Вы знаете, какъ мучительно переживалъ отчужденіе жены, ея душевныя метанія, ея разладъ съ самой собою. Мнѣ нечего было скрывать. За пятнадцать лѣтъ супружеской жизни я ничего не зналъ, кромѣ работы и уединенія.

Мнѣ казалось, что жена моя все еще та шестнадцатилѣтняя дѣвочка, какой она вышла за меня замужъ. Тогда мы оба увлекались партійной работой, въ дѣлахъ чувства были глупы и наивны. Послѣ того — годы ссылки, эмиграція замкнули меня въ раковину и по слѣпотѣ своей не замѣчали того, что изъ дѣвочки жена моя превратилась въ женщину. Я понялъ это слишкомъ поздно. Передо мною стоялъ совсѣмъ чужой человѣкъ — у него было все чужое — вкусы, привычки, навыки, привязанности, знакомства. Ей было тридцать три года, она выросла на моихъ глазахъ, но

безъ моего участія, и когда я однажды заговорилъ съ нею, какъ влюбленный, какъ мужъ (пооуту что я опять любилъ ее съ новой силой), она только удивилась, какъ если-бы съ ней заговорилъ посторонній, незнакомый ей человѣкъ. Но она женщина необычайной честности, золотого сердца — она пошла мнѣ навстрѣчу, она попыталась что-то наладить, ежеминутно чувствовала, что она должна, но ничего не могла. Будь это пять лѣтъ назадъ, я былъ бы вполнѣ удовлетворенъ, но теперь въ сорокъ два года, я, какъ мальчишка, схватился за жизнь.

Вы это знаете — до двадцати пяти я съ головой, изступленно жилъ политикой, партіей и когда женился — пріобрѣталъ лишь новаго товарища, до тридцати двухъ въ эмиграціи, я занимался переоцѣнкой цѣнностей и наукой, потомъ общественная и государственная служба и только въ сорокъ два года я понялъ ясно — что никогда не жилъ для себя.

Такимъ вы меня узнали. Вы укоряете меня въ сантиментальности. Можетъ быть, вы правы. Романтика, экзальтація въ сорокъ лѣтъ у такого человѣка, какъ я — достаточно потрепанного, угрюмого отшельника, кажутся смѣшными. Я самъ признаю это и ничего съ собою не подѣлаю — всѣ эти чувства и слова не были испытаны не были сказаны въ свое время, въ юности, а каждый человѣкъ долженъ ихъ испытать, высказать хоть разъ въ жизни.

Вы умная женщина, къ тому же вы и тонкій проницательный человѣкъ. Вы хорошо меня поняли — съ первого же дня Вы умѣли меня слушать, ничему не удивляясь. Когда я заговорилъ о своей любви къ вамъ, — Вы спокойно, ясно, логически просто доказали мнѣ, что этого нѣтъ, что я

себя обманываю, что я люблю жену и долженъ остаться съ ней. И такъ же спокойно, такъ же просто приняли мое чувство, ни въ чёмъ себя не обманывая. Не станете же Вы утверждать, что меня не любили. Можетъ быть это была страсть, но у такихъ людей, какъ мы, она не могла быть оголленной. Я одинаково любилъ Васъ и жену.

Вы улыбались, когда я говорилъ это. Тогда я просилъ развязать узель — помочь мнѣ уйти съ вами. Вы тоже улыбались. Я помню, что Вы сказали:

— Я для тебя средство забыть свою вину передъ женою. Когда изъ средства я превращусь въ цѣль — тебя потянетъ снова къ женѣ и тогда она станетъ средствомъ забыть твою вину передо мной. Не нужно этого. Переболѣй. Обо мнѣ не думай.

Вы, какъ всегда, оказались правы. Чѣмъ дальше отъ меня уходитъ жена, тѣмъ я ее больше люблю. Но, можетъ быть, это-то и есть моя болѣзнь, отъ которой Вы не захотѣли меня вылечить. Вѣдь, съ Вами-то, въ нашемъ-то чувствѣ не было трещины. Ни съ чѣмъ никогда я не былъ такъ духовно связанъ, какъ съ Вами. Никто такъ меня не знаетъ, какъ Вы. Ни съ кѣмъ я такъ не говорилъ — когда чувствуешь, что каждое слово доходитъ. И развѣ Вамъ самой не было легко со мной. Въ чёмъ же дѣло? Отчего мы съ Вами разстались, и я примирился съ этой разлукой, а разладъ съ женой все еще для меня мучителенъ.

Вы уѣхали внезапно, не предупредивъ. Уѣхали въ Гаспру, туда, гдѣ моя жена. Случайно-ли? Написали мнѣ жестокое письмо — не потому ли, что все еще меня любите? Оставьте наше го ребенка. — Не затѣмъ ли, что это-то и есть самая крѣпкая связь?

Ничего не знаю, ничего не понимаю. Думаю, что Вы знаете и понимаете все — Вы мудрая, какъ каждая женщина, въ которой живъ человѣкъ.

Отвѣтьте мнѣ.

Михаилъ.

XXXV

Антонъ Герасимовичъ Печеныхъ — женѣ

въ Харьковъ

“Кириле”, 11 іюня.

Здравствуй, кокосикъ мой вкусненький, до чего же я по родинкѣ своей соскучился! Мнѣ тутъ на пляжѣ приходится многихъ видѣть — ни у кого нѣтъ такого сложенія, какъ у тебя, и вообще женщины загаръ ни къ чему, — дусеночекъ мой бѣлюлюсенький! Я и самъ обыкновенно хожу на пляжѣ не голый, а въ исподней рубашкѣ, и на головѣ изъ полотенца тюрбанъ — такъ много приличнѣй при здѣшней нескромности нравовъ.

Вообрази себѣ, изъ дома отдыха металлистовъ, что во дворцѣ великаго князя Николая Михайловича, публика ходить въ однихъ трусикахъ круглый день — весь паркъ загадили своимъ безобразнымъ видомъ. Вообще можно наблюдать картины!

Я уже писалъ тебѣ о нашихъ дѣлахъ: такъ они совершенно перепутались. Вчера уѣхала первая партія — въ ней писатель Пороша и Ольгина-докторша. Подали автомобиль къ девяти утра. Ко-

нечно, всѣ вышли провожать. И вотъ вижу — бѣжитъ изъ Ай-Джина Тесьминовъ съ огромнымъ букетомъ розъ — прямо во дворецъ, въ комнату, гдѣ помѣщалась Ольгина, а выходитъ оттуда чрезъ четверть часа не меньше — физіономія на сторону, губы трясутся — ей Богу, а у нея изъ подъ шляпки волосы, глаза по сторонамъ, носъ красивый, въ рукахъ букетъ. Торопятся къ автомобилю и прямо имъ навстрѣчу Марія Васильевна. Красота! Ну — думаю, сейчасъ катастрофа... Однако обошлось благополучно. Угрюмову точно въ косыкъ вдавило. Я бы на ея мѣстѣ въ морду ему, а она чуть сама не удрила. Дура!

Забралась Ольгина въ автомобиль рядомъ съ агрономшей Думко, зарылась лицомъ въ букетъ, будто нюхаетъ, однако вижу — глазами въ Тесьминова. Онъ самъ чуть ли не подъ колеса. Стоитъ, молчитъ, какъ пень. А въ сторонѣ Марія Васильевна съ художницей Геймеръ — обѣ смеются. Только меня не надуешь — какой тамъ у Маріи Васильевны смѣхъ! Подхожу нарочно къ ней и очень вѣжливо замѣчаю:

— Не правда ли, сударыня, печально видѣть отѣздъ людей, съ которыми такъ пріятно провелъ время? Николай Васильевичъ даже, мнѣ кажется, совсѣмъ разстроенъ...

Вижу у нея глаза, какъ у кошки, круглые — такъ и вѣспится сейчасъ въ меня.

— Разставаться всегда грустно, — отвѣчаетъ.
Я же точно ничего не было:

— Конечно, особенно, если цѣлыми днями вмѣстѣ влюбленными голубками проводили.

Чувствую все въ ней кипить, точно на сковородкѣ поджаривается. Шаражнулась отъ меня, подъ руку Геймеръ и въ паркъ. Не нравится, стервѣ. А мужу измѣнять нравится? А женатаго че-

ловъка отъ жены отваживать пріятно?

Еще съ ними одна совѣтская служащая Вальященко Евгения Петровна уѣхала. Тоже штучка кручена. Я съ ней было знакомство завелъ по хорошему — вижу барышня скучаетъ, — а потомъ раскусилъ — такой перецъ! Похабные анекдоты, какъ матросъ шпаритъ. И только бы деньги — все, что угодно! Навязывалась ко мнѣ, да я живо отшилъ.

Но, представь себѣ — совершенно для меня неожиданно, новая интрижка обнаружилась. Только завели моторъ, какъ вижу — агрономша Думко, которая раньше разговаривала въ сторонѣ съ докторомъ Ждановымъ — вдругъ ему при всѣхъ — Пиши, — кричитъ: — обязательно, какъ пріѣдешь, насчетъ комнаты!

Тутъ не только я — всѣ такъ и разинули рты. Въ чёмъ дѣло? когда же это успѣли снюхаться? Кажется, отъ меня ничего не ускользнетъ — и то проворонилъ.

А они смѣются во весь ротъ самыми наглыми образомъ, по сторонамъ оглядываются — вотъ, моль, намъ на васъ наплевать. И Ольгина съ ними заодно.

— Ну, Натаха, садись скорѣе, довольно демонстрацій! — кричитъ: — будеть! хорошенъкаго по-немножку!

А Ждановъ ей со смѣхомъ:

— Намъ бояться нечего — у насъ рѣшено и подписано! Правда? Позвольте вамъ, граждане, представить — моя жена!

Чортъ его знаетъ, — что за комедія. Смотрю Тесьминовъ схватилъ за руки Ольгину и что-то шепчетъ — лица на немъ нѣть отъ волненія, а потомъ, какъ прижмется къ рукѣ губами. Вотъ сей-часъ тоже что-нибудь выкинетъ. Только не ус-

пѣль, — повернулъ шоферъ руль — поѣхали.

Одно слово — сенсаціонная фильма. Разгово-
ру послѣ-то было! Всѣ къ Жданову — какъ, ко-
гда? А онъ только смѣется.

— Мы, — говоритъ: — порѣшили это въ по-
слѣдніе дни. Я и самъ раньше не думалъ... По-
здравлять послѣ станете.

Какъ это тебѣ нравится? И даже не расписы-
вались! Вотъ тебѣ коммунистическое общество!

Чортъ съ ними со всѣми!

Желудкомъ что-то послѣднее время страдаю—
отъ пищи. Дали намъ осетрину подъ соусомъ пи-
канъ на обѣдъ. Перетравили пятерыхъ — и меня
въ томъ числѣ. За докторами изъ Ялты завѣдую-
щій ъздила — струхнулъ порядкомъ. У него въ го-
ловѣ одинъ развратъ — по утрамъ самъ на себя не
похожъ. Но если бы ты Тесьминова видѣла послѣ
отъѣзда Ольгиной. Пришелъ онъ поздно вече-
ромъ въ общую залу — покрутился вокругъ себя,
какъ собака, потерявшая хозяина, и, слова не ска-
завши, назадъ.

Я къ нему.

— Запустѣніе,—говорю:—тоска... скоро намъ
съ вами ъхать. Точно бы мѣсяца не было...

Онъ на меня вылупился — ничего не понима-
етъ.

— Въ Москву отправитесь? — спрашиваю.

— Да, конечно.

А я знаю, что вретъ: слышалъ, какъ онъ го-
ворилъ съ Марьей Васильевной о томъ, что оста-
нется еще мѣсяцъ. Вижу — торопится куда-то. Я
не отстаю. Вышли въ паркъ — вѣтеръ, тучи. Онъ
идетъ впередъ по шоссе къ Кореизу, я за нимъ.
Пришли въ деревню, къ почтѣ, къ почтовому ящи-
ку. Нарочно вынуль папироску, прошу спичекъ.
Онъ въ карманъ и съ коробкой — письмо. Чир-

каеть спичкой, а я приглядѣлся — вижу при свѣтѣ на конвертѣ — Ольгиной. Вотъ оно, какъ его разобрало — въ тотъ же день слѣдомъ ей письмо! Чортъ его разберетъ, что за человѣкъ. Вампиръ какой-то! А потомъ привелъ меня въ кафе.

— Вы умѣете пить? — спрашиваетъ.

Вернулись съ нимъ четверть первого. Пришлось стучаться. Впечатлѣніе совершенно ясное — эротически помѣшанный.

Нѣтъ, кокосикъ, больше я по санаторіямъ неѣзжокъ! Одно разстройство нервовъ и душевная тоска. За тебя волнуюсь: если измѣнишь — не переживу, такъ и знай.

И, вообще, лучше бы Измайлова къ намъ неходить. Совершенно ему дѣлать у насть нечего. Три дня отъ тебя письма нѣтъ — почему?

Любименькая моя, не огорчай, — ты, вѣдѣ, знаешь мою нервозность: въ одинъ день могу похудѣть до неузнаваемости.

Цѣлую во всѣ мѣста

Твой Кутикъ.

XXXVI

**Варвара Михайловна Тесьминова — Николаю
Васильевичу Тесьминову въ “Кириле”**

Москва, 11 июня.

Коля, дорогой, получила твое письмо и долгъ такъ не рѣшалась отвѣтить тебѣ потому, что ты знаешь, какъ я не люблю говорить на такія темы. Ты пишешь все о томъ же — о моемъ отношеніи къ тебѣ. Сколько разъ между нами обѣ этомъ говорено! И ни къ чему не приходили. Почему? Навѣрно, потому, что не понимаемъ другъ друга. Иной я не могу быть. Жить только тобою, любовью къ тебѣ неспособна. Мнѣ всего дороже мое дѣло — театръ, пусть даже, какъ ты говоришь, не театральное искусство, а самъ театръ, кулисы, воздухъ театра, тѣ вотъ именно люди, съ которыми я дѣлаю свое дѣло. Внѣ этого я какъ рыба, выброшенная на берегъ, ты же видѣлъ, какой я становлюсь, когда не служу, не играю. Другіе люди, другія дѣла меня не занимаютъ... Съ этимъ ничего не подѣлаешь.. Ты и наша дочурка мнѣ всегда были очень дороги, это какъ-то во мнѣ, внутри, а проявлять это не умѣю, стыдно... Создавать какой-то уютъ, думать какъ-то о вѣсѣ, стѣснить свою свободу изъ-за вѣсѣ не могу. Могу голодать, не досыпать, переносить любое лишеніе, когда это будетъ нужно, но одна мысль о томъ, что могутъ стѣснить мою свободу, быть недовольнымъ тѣмъ

или инымъ моимъ поступкомъ приводить меня въ ярость.

Послѣднюю зиму ты жаловался на свое одиночество, на нашу разобщенность — я сама сознавала это, но подѣлать ничего не могла. Я знала, что это можетъ кончиться печально, и все-таки оставила итти, какъ идетъ. Не изъ равнодушія — а все изъ-за того же, не могу себя насиливать. Вотъ почему, когда ты ушелъ отъ меня къ другой, я никакъ не упрекала тебя, ничему не противилась. А вотъ, что ты ревновалъ меня къ Рюмину — это совершеннѣйшій вздоръ. Но отъ него не откажусь, потому что онъ — частица моего міра.

Ты жаловался, что я не живу твоими интересами. Они мнѣ дороги, но жить ими не могу, потому что у меня есть свои. Можетъ быть во мнѣ слишкомъ много мужескаго. Къ тому же у меня мало темперамента: Я даже не знаю — цѣль ли моей жизни — моя работа, сцена, но знаю, что это моя жизнь — единственное, что у меня есть. Ты же хотѣлъ заполнить мою жизнь инымъ — любовью къ тебѣ, нашимъ домомъ. Этого никогда не будетъ, не потому, что я не хочу такъ, а потому, что для этого мнѣ нужно было бы перестать быть самой собой. А помнишь, какъ намъ было легко и весело, когда ты, работалъ со мной вмѣстѣ?..

Я думаю, что наша ошибка въ томъ, что мы жили вмѣстѣ, создавали подобіе семьи, общаго дома. Общій домъ — значитъ, хозяйство, приоравливаніе своихъ вкусовъ, привычекъ ко вкусамъ, привычкамъ другого. Семья — значитъ подчиненіе жены мужу, или бываетъ, — мужа — женѣ. Я вовсе не хочу проповѣдывать новыхъ формъ брака. Мнѣ это неинтересно. Я даже не знаю лучше ли это для всѣхъ. Я только знаю, что это было

бы лучшее для меня. Может быть я — уродъ. Старый холостякъ, какъ ты, смѣясь, называлъ меня.

Вѣрю, что со мною трудно, непріютно. Вѣрю, что тебѣ нужно иное отношеніе, нуженъ помощникъ — оруженосецъ. Вѣрю даже, что мое представлениe о любви — ненормально, обольщать себя не хочу. Хотя люблю тебя попрежнему и съ горечью думаю о томъ, что все же придется разстаться навсегда, потому что со мною ты себя замучаешь. Ты не думай, говорить мнѣ это совсѣмъ не такъ легко. Я сама очень устала и хотѣла бы, какъ ты, лѣчъ сейчасъ на песокъ подъ солнце, слушать море и ни о чемъ не думать. Всѣтаки мы помогли другъ другу пережить самое трудное время. А почему бы намъ, если мы не можемъ итти съ тобою въ парѣ, все же не остаться друзьями. Дѣвочка-то у насъ общая.

Вотъ почему я не хочу тебѣ говорить прощай. Мы съ тобой еще не разъ увидимся. Отъ всей, всей души цѣлую тебя.

Твоя Варя.

XXXVII

**Ранса Григорьевна Геймеръ — Марія
Васильевна Угрюмовой**

(Записка, пересланная съ дѣвочкой 12 іюня).

Марія Васильевна, милая, я еще разъ обдумала создавшееся положеніе и съ большимъ убѣжденiemъ настаиваю на необходимости полнаго разрыва Вашего съ Т. Щхать вмѣстѣ съ нимъ въ Хараксы — безумie. Это значитъ еще затягивать на себѣ петлю, обрекать себя на новыя мученія. Къ тому же онъ любить О. — на этотъ разъ, кажется, серьезно — это я заключила изъ своихъ наблюдений, нѣкоторыхъ его невольныхъ признаний и, наконецъ, изъ того, что Вы сами мнѣ говорили о его отчаяніи послѣ ея отъѣзда.

Во всякомъ случаѣ, Вамъ нужно спасать свою душу — она найдетъ покой только рядомъ съ М. А.

Вѣрьте мнѣ — любви нась учить — страданіе. Нужно самой итти ему навстрѣчу, чтобы оно нась не раздавило и дало силы любить тѣхъ, кто любитъ нась.

Р. Г.

XXXVIII

Ай-Джинъ, 15 іюня.

**Профессоръ Леонидъ Викторовичъ Кашкинъ —
супругамъ Штраммъ въ Мюнхенъ, Германія
Милѣйшиe Ольга Максимиліановна и Арнольдъ
Германовичъ, съ чувствомъ живѣйшаго интереса**

са читали мы съ женой въ "Жизни Искусства" Ваши впечатлѣнія о заграничной поѣздкѣ и сводки изъ иностранныхъ газетъ объ успѣхахъ Вашего театра. Вы, конечно, поймете, какое горделивое удовольствіе испыталъ я при этомъ — Вашъ неизмѣнныи поклонникъ и исторіографъ. Конечно, наши русскіе зоилы, наши господа изъ ультра «льваго фронта» (львѣ здраваго смысла), снова подняли травлю, какъ и въ первую Вашу поѣздку. Опять старыя слова о «буржуазномъ искусствѣ, объ "эстетизмѣ", о "пестрыхъ тряпкахъ", о "несозвучности эпохѣ». Опять кивки въ сторону Мейерхольда — «отъ котораго всѣ качества». Всѣ эти крики — безсильная ярость передъ очевидностью: вашъ театръ живъ, будетъ живъ, и ничто не замѣнить блестательную страницу въ исторіи русскаго искусства, въ которой вписаны ваши имена — первой славнѣйшей артистки современности и изощреннѣйшаго режиссера. Не мнѣ говорить Вамъ это — Вы знаете мою искренность.

Вашу милую открытку изъ Дрездена намъ переслали въ «Кириле», гдѣ мы скромно проводимъ съ женой вотъ уже мѣсяцъ.

О московскихъ новостяхъ мы узнаемъ по газетамъ и журналамъ, которые приходятъ къ намъ должно быть позже, чѣмъ къ Вамъ — на пятый день. Пытаемся жить растительной жизнью и менѣше думать. Это, правда, не всегда удается даже здѣсь. Современная «квалификація», «профессіонализациія» заставляетъ неизбѣжно каждого изъ насъ и въ дни отдыха сталкиваться съ себѣ подобными.

Въ «Кириле» приблизительно то же общество, что и въ Москвѣ: общіе знакомые, общіе интересы, старыя сплетни — все это только полощется на меньшемъ пространствѣ. Чтобы нѣсколько обосо-

биться мы поселились въ Ай-Джинѣ. Но и здѣсь не спаслись. Рядомъ съ нами жилъ композиторъ Тесьминовъ, только лишь на дняхъ уѣхавшій въ Хараксы. Къ крайней своей досадѣ намъ съ же-ной пришлось быть свидѣтелями одного изъ его безчисленныхъ романовъ. Я раньше зналъ его только какъ композитора и блестящаго музыканта. Теперь мнѣ удалось присмотрѣться къ нему поближе. Это во всякомъ случаѣ любопытная фигура, любопытная въ отрицательномъ отношеніи. Ему бы слѣдовало жить въ вѣкѣ плаща и шпаги. Но долженъ признаться, новое произведеніе Тесьминова — симфонія «Поединокъ» превзошло мои ожи-данія.

Онъ игралъ намъ ее недавно. Въ музыкѣ Тесь-минова меня больше всего подкупаеть свѣжесть и цѣльность музыкальной мысли, ея молодой, стре-мительный бѣгъ. Въ Тесьминовѣ нѣтъ и тѣни упа-дочности, столь часто характеризующей рахитич-ныхъ западныхъ новаторовъ, ищущихъ остроты звуковыхъ ощущеній, ихъ одуряющей, гипнотизи-рующей пряности. Нѣтъ въ немъ и стремленія къ экстравагантной лѣвизнѣ, служащей прикрытиемъ безсилія творческихъ потугъ.

Что Тесьминовъ вполнѣ здоровая творческая натураубѣдительно свидѣтельствуютъ преоблада-
ние мажора надъ миноромъ, богатая динамика рит-
ма, наклонность къ широкой напѣвности. Эти
черты дарованія Тесьминова, роднящія его съ
Прокофьевымъ, очень рельефно выяснились въ
симфоніи «Поединокъ». Она цѣликомъ стреми-
тельна, бодра по настроенію, напѣвна по изложе-
нію, рельефна тематически, лаконична по формѣ.
Она захватываетъ вниманіе съ первыхъ же тактовъ
и цѣлко держитъ его въ своихъ рукахъ. Если въ
сжатой первой части и слѣдующемъ мослѣ нея

скерцо половые импульсы преобладаютъ, то въ андante (третья часть) — выступаетъ лирика, впервые у Тесъминова получившая такое яркое выраженіе. Музыка медленной части симфоніи покоряетъ своей искренностью и рѣдкой душевной теплотой. Эта сердечная ласковость оформляется въ сложный симфонический комплексъ. Заключеніе андантѣ переходящее въ медленное вступление финала, нѣсколько ослабляетъ впечатлѣніе. Заканчивается симфонія въ ясныхъ свѣтлыхъ тонахъ.

Вы, конечно, догадались, почему я такъ подробно остановился на этой вещи. Я вспомнилъ нашъ послѣдній разговоръ, Арнольдъ Германовичъ. Вы тогда печаловались о скучности музыкального материала, пригоднаго для Вашихъ режиссерскихъ заданій. Когда я слушалъ Тесъминова, мнѣ пришла въ голову мысль заинтересовать его Вашей идеей. Онъ былъ бы очень полезенъ...

Но вотъ тутъ я столкнулся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ.

Конечно — слушатели хотѣли знать, «Поединокъ» съ кѣмъ или съ чѣмъ? Название всегда интригуетъ... мнѣ казалось, что поединокъ Дюшса съ Аполлономъ. До жути иногда захлестывалъ хаосъ и мракъ и вдругъ блистательный гармоническій фокусъ и снова Аполлонъ наверху.

Захлопнувъ крышку рояля, Тесъминовъ торопливо откланившись, кинулся на террасу. Я послѣдовалъ за нимъ, чтобы подѣлиться своими впечатлѣніями и поговорить о Вашемъ театрѣ, но долженъ былъ отступить. Онъ уже стоялъ рядомъ съ одной изъ нашихъ отдыхающихъ, какой-то маленькой докторшей, крайне безцвѣтной, и, взволнивъ блестя глазами, держа ее за руки, забывъ, что онъ на виду у всѣхъ, началъ объяснять ей идею «Поединка».

Оказывается, онъ происходит между Тесьминовыемъ и — всѣмъ его прошлымъ (и ничего божественнаго, скрябинскаго тутъ нѣтъ)... Онъ хочетъ жить, творить... чувствовать подъ руками комки живой жизни... а хватаетъ только призраки, отзвуки, тѣни... прошлое держитъ его въ былыхъ привязанностяхъ, вкусахъ, любви. А въ немъ бунтуетъ живая жизнь... Что-то въ этомъ родѣ — крайне невразумительное, мальчишеское. И рядомъ эта докторша... такъ прекрасно нашедшая себя въ настоящемъ. Миѣ было стыдно за него. Настолько размѣниваться въ его года и съ его талантомъ.

Теперь, благодареніе Богу, онъ уѣхалъ. Флигель въ Ай-Джинѣ опустѣлъ и мы съ женой можемъ въ тишинѣ наслаждаться отдыхомъ. Правда, этотъ покой достался намъ не дешево. За два дня передъ его отъездомъ мы были разбужены чимъ-то плачомъ. Плакала Угрюмова — любовница, съ которой онъ прожилъ весь этотъ мѣсяцъ. У нихъ было крупное объясненіе. Тесьминовъ хлопнулъ дверью и ушелъ. Тогда мы услышали звонъ разбитаго стекла и душу раздирающій крикъ. Жена кинулась къ сосѣдкѣ. Она билась въ истерикѣ.

Однимъ словомъ пошлиятина. Бѣдная Лидуся нѣсколько дней послѣ этого чувствовала себя скверно. Вы знаете ея впечатлительность.

Однако я Вамъ успѣлъ уже надоѣсть. Сердечно обнимаю Васъ, дорогой Арнольдъ Германовичъ, и цѣлую ручку Ольгѣ Максимилиановнѣ. Лидуся пишетъ отдельно

Вашъ Л. Кашкинъ.

XXXIX

Марія Васильевна Угрюмова — Николаю
Васильевичу Тесьминову въ деревню Хараксы

Ай-Джинъ, 15 іюня.

Мой любимый, прости, что своей эгоистической любовью не сумѣла дать тебе тотъ покой, который ты искалъ около меня и который я всѣмъ сердцемъ хотѣла дать тебе.

Большая моя вина въ этомъ передъ тобою, но она все же искупается моей безграничной любовью, моими страданіями — все было лишь для тебя, съ тобою, въ тебѣ.

Только теперь, когда ты уже далеко, поняла я, что не мудрой была моя любовь, а такой она должна была быть у женщины моихъ лѣтъ.

Прости, мой любимый, но помни — буду всегда твоимъ до конца вѣрнымъ другомъ, знаю и вѣрю, что всегда найдешь во мнѣ опору — вѣдь, какъ былинка колеблешься ты, мой любимый, и не разъ еще нужна тебе будетъ примиренная ласка.

Тебя благодарю за то, что коснулась меня нѣжность души твоей, ясный умъ твой, разбудившіе во мнѣ до сихъ поръ молчавшія чувства. Что сняль съ меня аскетические оковы, въ нихъ такъ долго томилась моя женская душа. Никогда до тебя не знала я, какъ мучительна и сладка любовь, какъ страшна и свята она и не похожа на то, что мы привыкли называть любовью.

Ни въ чемъ и никакъ я не виню тебя — не тревожься. Я спокойна, воля моя крѣпка, — твердо знаю свой путь, свой долгъ. Открыто и прямо могу смотрѣть въ глаза людямъ и не въ чемъ мнѣ упрекать себя.

Я возвращаюсь' къ дѣтямъ и мужу, потому что въ нихъ моя жизнь, я благословляю тебя, потому что въ тебѣ — моя любовь, которая приходитъ только разъ, чтобы въ страданіяхъ убить или закалить душу, вернувъ ее снова къ жизни и долгу.

Я достигла это сердцемъ въ одинъ мигъ еще тогда, когда въ мысляхъ моихъ твердо вѣрила въ возможность, удѣржать тебя около себя какою угодно цѣною. На глазахъ моихъ все еще была пелена. Не помня себя отъ горя, я шла къ тебѣ просить, чтобы ты позволилъ мнѣ ѿхать съ тобою въ Хараксы, я шла на послѣднее униженіе и радость — вѣдь, ты раньше обѣщалъ мнѣ это и я писала мужу о своемъ рѣшеніи (я даже повторяла себѣ — пусть онъ сдѣлаетъ это изъ жалости — все равно). У твоей двери я остановилась, колеблясь — войти ли — — и услышала глухой стонъ. Ты плакалъ. Знаю причину твоихъ слезъ.

Вѣрь мнѣ, это не бабья догадка, не ревность — всѣмъ существомъ своимъ въ эту минуту поняла я, о чёмъ эти слезы.

Я стояла долго, пила твои слезы, гладила тебя по головѣ — ты долженъ былъ почувствовать это, хотя я стояла за дверью — всю силу моей любви, моего горя, моего знанья — вложила я въ эту ласку. Потомъ ушла.

Ты засталъ меня твердой, улыбающейся. Я сказала тебѣ о своемъ рѣшеніи вернуться въ Москву, къ мужу. Это рѣшеніе успокоило тебя — ты ждалъ слезъ, упрековъ, какъ прошлый разъ. Тогда я все еще была бабой — сейчасъ душа моя закалена. Я

поняла по-настоящему слова Геймеръ (она изумительная женщина — въ эти суровые дни — мой лучшій другъ) — любви нась учить страданіе. Ты это тоже теперь знаешь.

Завтра я навсегда оставляю эти мѣста, покидаю много разъ въ одиночество исхожденныя тропинки, свидѣтелей моего безумія — надеждъ и отчаянія. Здѣсь я думала бродить съ тобою рука обь руку — но только задыхалась, преслѣдуя тебя.

Любовь моя стала мудрой. И я могу пожелать тебѣ то, къ чему пришла черезъ страданье: вѣрь, милый, только въ свои силы, больше всего полагайся на себя, не гонись за счастьемъ, не ищи его въ другихъ, а сумѣй найти и сберечь въ себѣ самомъ. Въ тяжелые дни вспоминай женщину, такъ страстно, такъ жадно тебя любившую и черезъ нераздѣленную любовь свою пришедшую къ покою и жизни.

Марія.

XXXX

**Врачъ Василій Савельевичъ Ждановъ — Федору
Константиновичу Курдюмову въ Ленинградъ**

Москва, 27 іюня.

Ну, братенька, удивляйся, крой, что хочешь дѣлай, я уже не одинъ, а въ парѣ. Отдыхъ, видно, мнѣ на пользу пошелъ — безъ всякихъ твоихъ разъясненій усвоилъ — хорошая штука любовь, когда попадается тебѣ добрый товарищъ.

Нашелъ я на отдыхѣ жену, друга, веселаго, крѣпкаго человѣка — Наташу. Она агрономъ — уѣдемъ мы съ нею въ деревню, къ мужикамъ, на веселую работу — я буду людей починять, а она ихъ къ земляной работѣ приспособливать. Агрономъ и врачъ — чего лучше — самое у насъ сейчасъ нужное, — хлѣбъ и здоровье. Какого тебѣ еще рожна?

Нѣтъ, это я такъ по телячей своей радости заговорилъ — ты не серчай.

Да, почему бы и не гордиться?.. Наташа моя на всѣ руки — сильна, умна, бодра. А какъ это вышло? Не объясню. До самого почти ея отъѣзда мы съ ней о любви почти ни слова. Я даже не думалъ обѣ этомъ. Глотку драли, — это вѣрно, но все больше въ спорѣ. Задирала она меня — и верхомъ ъзжу — никуда, и плаваю — дрянно, и стрѣляю — плохо, и Маркса не знаю толкомъ. По всѣмъ швамъ разобрала. Ну, а пришло дѣло къ “прощайте” — вижу мой пріятель глазами морга-

еть и отъ меня шаражается. Я къ Ольгиной, ея пріятельницѣ — въ чёмъ дѣло, спрашиваю. А она носъ кверху, зубы оскалила, смѣется.

— Эхъ, Вы, — говоритъ — простофиля.

Ну, конечно-же — простофиля! Сразу понялъ — люблю — все у насъ общее. Пошелъ и сказалъ ей напрямики.

Какого только вздору у насъ по этому случаю въ «Кириле» не говорили. Уши вянуть! Одна только Ольгина, да еще Тесьминовъ поняли, какъ слѣдуетъ. Этотъ музыкантъ — ты его раздѣлалъ подъ орѣхъ, но онъ, право же, не такъ плохъ.

— Чего бы я только не далъ, чтобы быть на Вашемъ мѣстѣ, — говоритъ: — у васъ все ясно и просто.

— А зачѣмъ же путать? — спрашиваю.

— Само путается. — отвѣчаетъ: — знаете, когда веретено испорчено... Какъ ни старайся — либо узлы, либо рвется.

— А вы веретено къ чорту.

— Это себя-то, вы хотите сказать? Что же, пожалуй, мысль неплохая.

— Да не себя, а багажъ свой. Багажа у васъ назади много. Безъ него легче.

Тутъ я ему все выложилъ на радостяхъ — какъ теперь понимаю личную жизнь.

Прежде всего помнить твердо: ошибки всегда и во всемъ бываютъ, онѣ лучшая школа, а не трагедія. Разъ. Личную жизнь строю по своей работе, а не работу по личной жизни. Тогда будетъ соблюдено душевное равновѣсіе. Два.

И самое существенное: — любовь ничего кроме любви не даетъ, то-есть — человѣка не мѣняетъ и воедино двухъ никогда не сливается: **два** — всегда два, двѣ головы — два міра. Поэтому зря не мечтай — мой, моя. Быть этого не можетъ. Разъ

такъ — значитъ, какъ можно яснѣе — раздѣльность — равенство. Съ первого дня. Тогда меньшая вѣроятность ошибокъ. Единое — это только въ чувствѣ любви, въ дѣяяхъ. Три.

А въ четвертыхъ — жена не мѣшокъ, тащить ее незачѣмъ — сама съ ногами. Мужъ не лошадь — безъ хомута можетъ итти въ парѣ.

Хорошее есть такимъ отношениямъ слово — товарищеское. Опредѣляетъ оно личную свободу и идеиную связанность, раздѣльность усилий и общность воль, свободную соподчиненность, но отнюдь не свободу подчиненія.

Не мужъ и жена — нужно это дѣло бросить (дрянныя слова ничего нашему духу не говорящіе), а товарищи. Въ этомъ словѣ — все и прежде все-го наличіе двухъ людей, обязанныхъ во всемъ лишь самимъ себѣ, а потому уважающихъ другъ друга.

Чортъ его знаетъ, можетъ я не такъ говорю, не тѣми словами, самаго главнаго не сказалъ и сказать, пожалуй, не сумѣю, потому, что въ концѣ концовъ не въ разсужденіяхъ дѣло, а въ насъ самихъ, въ томъ, кто — мы, изъ какого тѣста — какихъ устремленій люди.

Вѣдь, вотъ Тесьминовъ со всѣмъ этимъ согласился, — но тутъ же сознался, что принять это, вовплотить въ дѣйствіи, осознать въ себѣ, какъ непреложное, не можетъ. Опять та же испытанная, твердая, какъ сталь, классовая предпосылка. Противъ рожна не попрѣшь — головнымъ не проживешь.

И вотъ — тутъ-то я съ тобой поспорю — не хуже онъ насъ, а другой — разумомъ чуетъ нашу правду, а ногами вросъ въ прошлое. Въ этомъ его разладъ, разрывъ — ни въ тѣхъ, ни въ другихъ. Какъ большинство старой интеллигенціи. И колется, и хочется, и мамаша не велитъ. Да къ

тому же изъ этого ему не вытряхнуться ни почемъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, «взлеты воображенія», оторванность отъ реальности.

Я Ольгиной такъ и сказалъ на прощанье:

— Будьте тверды, товарищъ — въ основномъ
— въ себѣ самой.

Такъ-то вотъ, братишка, узналъ и я отдыхъ и любовь. Теперь опять за дѣло.

Будь здоровъ.

Ждановъ.

XXXXXI

Надежда Ивановна Ольгина — Николаю
Васильевичу Тесьминову въ Хараксы

Москва, 27 іюня.

Только сегодня подумала, что скоро, навѣрное, получу отъ Васъ письмо, какъ придя домой, нашла его уже на столѣ.

Какое большое письмо и какой бредъ. Простите мнѣ, Николай Васильевичъ, это слово, но оно къ мѣсту. Другого не подберу. Ваше письмо искренне — я знаю, но Вы ни разу не задумались надъ тѣмъ, что пишете. Въ Васъ говорить только чувство. А я слишкомъ реальна, да ужъ и не такъ молода, чтобы не знать, какъ безответственны наши чувства, если они не подчинены разуму.

Вы — фантазеръ. Вамъ легко видѣть чрезвычайное въ любомъ своемъ переживаніи и повѣрить любому своему вымыслу. Я же привыкла не довѣрять даже фактамъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ жизнь наутила меня осторожности. Можетъ быть, это очень плохо, но что подѣлаешь. Вотъ почему я вѣрю Ба-

шней искренности, но Вамъ — не вѣрю. Знаю, что не должна вѣрить, если хочу остаться самой со-бою. Въ «Кириле» это не всегда мнѣ удавалось — я часто закрывала глаза, когда Вы говорили. И то-гда чуть-чуть Вамъ вѣрила. Этого не нужно было дѣлать. Для Васъ же самихъ. Зачѣмъ брать Вамъ на себя непосильную ношу — вѣру въ Васъ друго-го человѣка? Рано или поздно, Вамъ пришлось бы отнять ее у него, — а это всегда тяжко.

Лучше не надо, милый, милый Николушка! Мнѣ такъ легко, хорошо было съ Вами — оставьте мнѣ эти воспоминанія, не углубляйте ихъ, не ос-ложняйте. Мнѣ и сейчасъ хотѣлось бы побывать съ Вами такъ же, какъ тогда въ «Кириле» — посидѣть на солнышкѣ, у моря, посмотрѣть, посмѣяться, по-слушать Вашу музыку, Вашъ «Поединокъ» съ про-шлымъ — и вѣрить, что Вы въ немъ окажетесь по-бѣдителемъ. Но не больше. Большаго я не могу, Николушка... А почему, почему — не все ли рав-но? Вѣдь важны факты, а не причины.

Да и вовсе я не такъ хороша, какъ Вамъ ка-жется. Просто я вылѣплена изъ другого тѣста, чѣмъ Вы — человѣкъ для Васъ новый. Но не Вы ли укоряли меня за мою сдержанность, замкнутость, холодность. Вѣдь, я кромѣ своей клиники, заня-тій, застѣданій и скромныхъ удовольствій — ничего не знаю. Жизнь моя очень трезва, очень прямоли-нейна, она не рассказывала мнѣ сказокъ, какъ Вамъ. Не забудьте, что человѣкомъ я стала въ дни революціи, выросла на четверти фунта хлѣба, на пайкѣ, на холодѣ и лишеніяхъ. Что я, несмотря, на всю свою «ученость» — совершенно примитив-ный человѣкъ, просто-таки не знаю ничего о той жизни, которой жили Вы — человѣкъ старой куль-туры. Вѣдь у насъ и повадки-то съ Вами разныя. Вы вотъ хотите оторвать отъ себя свое прошлое,

а у меня его вовсе не было. Какъ же мы могли бы слѣпить общую жизнь. Да, нѣть — развѣ можно говорить объ этомъ серьезно.

Лучше приходите ко мнѣ, какъ обѣщали — пить чай, а потомъ поѣдемъ къ Наталіи Максимовнѣ въ Петровскую академію — єсть смородину. И будетъ намъ попрежнему легко и просто. Ладно?

И не грустите. Не надо. Я не могу Васъ даже представить грустнымъ. Въ моей памяти Вы — всегда молодой, улыбающейся, веселый. Съ Вашимъ лицомъ инымъ и нельзя быть.

А вотъ вѣрить тому, что и у такихъ, какъ Вы, бываетъ сильное желаніе любить — мнѣ очень хочется. Но по моему Вамъ это ни къ чему. Не сердитесь. Любовь несетъ съ собою большое чувство отвѣтственности — она даетъ радость лишь тѣмъ, кто привыкъ отвѣтчать за свои слова и поступки, для другихъ же она лишь непосильная тяжесть.

Вы избалованы легкостью, съ какой Вамъ приходилось избѣгать этой отвѣтственности, а потому Вы не знали любви. И Вы этимъ счастливы. Вамъ можно завидовать. Но слѣдовать Вамъ я была бы не въ силахъ. Не сумѣла бы.

Не сѣтуйте на меня, не печальтесь, не укоряйте себя за свою искренность. Если я не все поняла въ Васъ, то все же никогда не осуждала. Вы хороши такой — какъ Вы есть. И если бы крымскій отдыхъ былъ бы обычнымъ моимъ состояніемъ, если бы меня не ждали здѣсь суровые, трезвые будни, я, пожалуй, другого счастья и не искала бы. Но что прекрасно и легко во снѣ — на яву не осуществимо. А сознайтесь, что Вы часто сонъ принимаете за дѣйствительность и мало задумываетесь о неминуемомъ печальному пробужденію. Я же и во снѣ рѣдко вижу сны.

Вотъ почему будучи моложе Васъ, знаю, что

для того, чтобы забыть другого человѣка, нужна не женщина, а прежде всего — время. У Васъ же времени прошло слишкомъ мало, даже принимая въ расчетъ Вашъ характеръ. Останьтесь наединѣ съ самимъ собою, спросите себя, правы ли Вы, уйдя отъ той, которую любили, и не спѣшите дѣлать вторую “глупость” — (Вы сами такъ назвали Вашу женитьбу на любившей Васъ дѣвушкѣ, не задумавшись надъ тѣмъ, какъ дорого стоила ей эта Ваша «глупость»). Море и солнце — лучшіе врачи, уединеніе — лучшій совѣтникъ.

А мнѣ оставьте ничѣмъ незатемненную радость воспоминаній о единственномъ въ моей жизни беззаботномъ мѣсяцѣ и о человѣкѣ, который помогъ мнѣ въ полной мѣрѣ оцѣнить эту беззаботность. Наше знакомство началось съ горѣлокъ, въ сумерки. Помните? Насъ познакомилъ Пороша, мы оказались рядомъ — въ парѣ. Лица Вашего я не видѣла, но мнѣ почему-то стало по-дѣтски весело, когда мы побѣжали и Пороша не сумѣлъ насъ догнать. Вы протянули мнѣ руку, я схватила ее, — мы разсмѣялись. Съ этого началась наша дружба. Сознаюсь Вамъ, я каждый день просыпалась веселой, потому что знала, что увижу Васъ. И дурила съ Вами отъ чистаго сердца и нисколько не обидѣлась, когда Вы мнѣ приносили розы и даже до сихъ поръ храню Вашъ послѣдній букетъ. Можетъ быть, все это меня радовало такъ, потому что никогда въ моей юности я этого не испытала, а Вы ни однимъ пошлымъ словомъ не нарушили моей беззаботной дурости.

Оставьте же все такъ, какъ есть, прошу, Николушка. Не надо ничего другого. Вѣдь, Вы же хороший.

Не огорчайте свою кичкине. Она теперь вся ушла въ работу и даже старается не смѣяться, чтобы выглядѣть солиднѣй. Вы представляете себѣ это?

Дина.

XXXXII

Листки изъ дневника или неоконченного письма Ник. Вас. Тесьминова

помѣченные 5 іюня, Хараксы.

...Я пойду сегодня далеко — вдоль берега, подбирая камешки. Тутъ ихъ такъ много — всѣкъ цвѣтовъ. Они мелкіе, гладенькие, хорошо отшлифованные, ихъ пріятно держать между пальцами. Кто скажетъ, что это отдѣльныя жизни — осколки каменныхъ глыбъ, донесенные волной изъ глубинъ, Богъ вѣсть послѣ какої борьбы, какимъ долгимъ, тяжкимъ путемъ.

Чья-нибудь лѣнивая рука подымаетъ ихъ, чей-нибудь любопытный глазъ улыбнется имъ — вѣдь, они только красивы и пріятны на ощупь, они совершаютъ подъ солнцемъ. О какихъ катастрофахъ могутъ они разсказать намъ?

Я часто думаю, что самая большая моя неудача это то, что я красивъ. Не такъ даже красивъ (это не совсѣмъ то слово на современномъ языке), какъ весь такой безызъянный внѣшне, слишкомъ молодой и гладкій на ощупь — тогда какъ душа у меня некрасиваго человѣка. И если глаза мои зорко и слишкомъ пристально смотрятъ, то не отъ того, — думается другимъ, — что я жадно ловлю вниманіе къ себѣ? О какихъ катастрофахъ можно прочесть въ этихъ глазахъ?

Это жутко. Такъ же жутко, какъ носить на себѣ комическую маску. Я гдѣ-то читалъ о такомъ человѣкѣ — играя трагического героя онъ страдалъ, бѣсновался отъ муки, а надѣй нимъ смѣялись,

говорили, что никогда въ жизни онъ не былъ такъ смѣшенъ. И въ моей музыкѣ видятъ только одну блестящую форму. Развѣ такой тонкій, изящный, моложавый человѣкъ умѣетъ чувствовать по настоящему?

Какой-то остроумецъ сказалъ:

— Цвѣты существуютъ для того, чтобы пахнуть. И несмотря на очевидную глупость этого определенія — ему всѣ повѣрили.

Другой, хорошо знающій людей, замѣтилъ:

— Если бы у Льва Толстого не было бороды, ему слѣдовало бы ее приkleить, иначе никто бы не повѣрилъ ему, что онъ философъ.

Въ трамваѣ мнѣ говорятъ:

— Молодой человѣкъ, будьте любезны...

Съ людьми, у которыхъ отросло брюшко, я робѣю, несмотря на то, что я ихъ старше.

Я самъ перестаю довѣрять себѣ.

Никто не скажетъ, что я глупъ, но никто не обратится ко мнѣ за совѣтомъ.

Большинство очаровательныхъ женщинъ готовы принадлежать мнѣ, но ни одна дурнушка не приняла моей любви, какъ естественное чувство обыкновенного человѣка, умѣющаго любить.

Немного людей меня любятъ, какъ любятъ дѣтей, красивыхъ звѣрьковъ, цвѣты, большинство относится ко мнѣ съ безсознательнымъ раздраженнымъ недовѣріемъ — это тѣ, кто не любитъ дѣтей, звѣрьковъ, цвѣты, но я-то знаю, что я далеко не ребенокъ, не звѣrekъ и совсѣмъ не цвѣтокъ, существующій для того, чтобы пахнуть. Мастеръ ошибся — онъ вложилъ мнѣ душу некрасиваго человѣка.

Я самый простой, самый обыкновенный человѣкъ. Я думаю, я чувствую, какъ другіе. Но когда я говорю объ этомъ — мнѣ не вѣрятъ. У меня

Слишкомъ блестятъ глаза, слишкомъ молодо лицо,
слишкомъ точенъ, плавень жестъ. Это красиво,
но не убѣдительно.

Я кричу — мнѣ смѣясь замѣчаютъ, что я ка-
призываю.

— Что же Вамъ еще недостаетъ, Николушка?
Вы счастливый человѣкъ. Вы Доріанъ Грей. —
Жизнь бѣжитъ мимо Васъ, не оставляя слѣдовъ.

И какъ часто въ этихъ словахъ звучитъ за-
висть. А болѣе злые рѣшаютъ увѣренно:

— Его ничто не трогаетъ. Это эгоистъ чи-
стѣйшей воды. Человѣкъ безъ сердца.

Нѣтъ, другъ мой — красивая маска — самая
страшная маска.

Когда Пракситель изваялъ свою Афродиту,
онъ, ославленный ея красотой, говорять, тотчасъ
же напился и пошелъ согрѣвать себѣ сердце на гру-
ди безобразной толстой стряпухи. «Моя Афроди-
та — богиня любви, — сказалъ онъ: — но она
слишкомъ красива, чтобы любить и быть люби-
мой.»

Я далеко не Афродита, но меня изваялъ тотъ
же злой мастеръ.

Что же, — я пойду сегодня вдоль моря, соби-
рая на ходу камешки. Я не коллекціонеръ, я не бе-
ру эти красивые осколки. Я любуюсь ими и бро-
саю ихъ снова на песокъ. Быть можетъ новый
взмахъ волнъ обезобразить ихъ, и на обратномъ
пути я ихъ не узнаю. Мнѣ все равно. Тамъ на пра-
вомъ крылѣ бухты по землянымъ холмамъ разсы-
паны тяжелые валуны — одинъ изъ нихъ лежитъ
въ море — вдали отъ берега.

Существуетъ легенда, что этотъ валунъ, лежа-
щій въ водѣ — святая Евпраксія, кинувшаяся въ
волны. За нею побѣжали ея овцы, и она и овцы
окаменѣли. Валуны эти тяжелы, грубы, неотесаны

— но вокругъ нихъ создалась трогательная легенда.

Камешки, лежащіе на моей ладони, пестры, красивы, прихотливой, совершенной формы — но о нихъ никто ничего не расскажетъ.

— Они существуютъ, чтобы нравиться. О какихъ катастрофахъ говорятъ они?

Вспомни Дина мое лицо, когда мы были съ тобой на Ласточкиномъ Гнѣздѣ — оно было счастливо.

Зажмурь глаза и представь его себѣ такимъ. Оно сейчасъ такое же.

6 июня.

Нужно найти равновѣсіе, найти себя въ современности, высочить изъ своей оболочки, пережѣнить костюмъ... Вѣдь, отъ костюма мѣняется настроение, психологія... Не попробовать-ли?

XXXXIII

Поэтъ Валентинъ Медынцевъ — поэту Алексѣю Прошину въ Парижъ

дер. Хараксы, 7 іюня.

Здравствуй, дорогой мой старикъ, наконецъ-то, собрался побесѣдоватъ съ тобою. Въ наши го-ды живешь больше памятью, чѣмъ настоящимъ. И если я рѣдко пишу тебѣ, то это не значитъ, что мысли мои не возвращаются къ тебѣ часто. Такъ много у насъ общихъ воспоминаній, что, пожалуй, не разъ они приводятъ насъ обоихъ въ одинъ и тотъ же часъ — раздѣленныхъ тысячами верстъ — на одинъ и тѣ же мѣста... Но что скажешь о мимо идущемъ днѣ, о тропѣ, по которой влекутъ меня мои старыя ноги.

Нужно сказать правду, я самъ удалился отъ жизни, предпочитая уединеніе — сутолокѣ, раздумье — праздному любопытству.

Надо мнай все то же вѣтреное небо, подо мнай рыжая гиперборейская земля, впереди — космическое море. Я дышу запахами первозданія — соли (начало разума), полыни (начало сознанія), мяты (начало эмоціональное). Не упрекай меня въ излишней любви къ сближеніямъ. Ты часто называлъ мои пенаты — мѣстомъ ссылки, тебя не прельщала ихъ суровая простота. Но я сроднился съ ними. Отсюда мнѣ виднѣе. Въ нашемъ теперь, увы, такъ порѣдѣвшемъ содружествѣ поэтическихъ смутяновъ меня всегда считали чудаковатымъ. Таковымъ я остался и по сей день. А все-же долженъ похвастаться, мое чудачество спасло меня отъ недуговъ, на которые вы всѣ, друзья

мои — урбанисты, жалуешься. Я здоровъ, какъ священный аписъ. Только волосы мои, по прежнему густые, покрылись пѣной.

Я встрѣчаю каждый восходъ съ непокрытой головой, стоя босый на песчаной отмели. Такъ я начинаю свой день, привѣтствуя свѣтило во всѣ поры года.

Я ъемъ и пью, какъ Гаргантюа, сплю, какъ невинный младенецъ, радуюсь солнцу, какъ ящерица, работаю, какъ первый землепашецъ. Да, мой старикъ, я все еще очищаю первобытную землю отъ камней и плевель, все еще не готовъ къ пашнѣ. Форма скользить въ моихъ рукахъ, несмотря на то, что вы, снисходительные мои судьи, — давно признали меня мастеромъ. Но изъ лабиринта знанія нѣть выхода — и человѣкъ не станетъ никогда инымъ, чѣмъ-то, во что онъ страстно вѣрить.

Меня ждетъ участъ Флобера: слово пожретъ меня.

Но полно о себѣ. Однако, о чёмъ же, какъ не о себѣ и своихъ мысляхъ въ связи съ моей работой могу я повѣдать тебѣ?

Пожаловаться развѣ на то, что недавно открыли у насъ почтовое отдѣленіе, и что теперь я всецѣло завишу отъ произвола почтальона, въ любую минуту имѣющаго право постучаться у моего порога и передать мнѣ непрошенное письмо. Ты снова назовешь меня чудакомъ, но развѣ письмо, полученное тогда, когда ты его менѣе всего ждешь, когда ты не самъ въ ревнивомъ ожиданіи послалъ за нимъ — не похоже на незваннаго, болтливаго пріятеля, нарушившаго въ неурочный часъ твой покой?

Къ счастью, у насъ еще горятъ керосиновые лампы. Я самъ затапливаю мой свѣтильникъ, по произволу могу умѣрить или усилить его пламя, —

оно зарождается и умираетъ въ предѣлахъ моего жилища, не руководимое ничьей иной волей. Такъ я чувствую себяувѣреннѣй, — единолично повелѣвавя стихией. Не сейчасъ, — это серьезнѣе, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Видишь ли, я не обольщаю себя достиженіями культуры: я пришелъ къ тому рубежу, когда начинаешь постигать относительность сущаго. Одиночество укрѣпило меня въ этомъ сознаніи.

Все относительно — трезвая мысль и бредъ. Любая истина живеть не болѣе предѣльного возраста водовозной клячи. Мы исчислили все, а, въ сущности, ничего не знаемъ: ни емкости, ни смысла тяготѣнія, ни свойства планетныхъ массъ, ни форму ихъ орбитъ. Мы говоримъ: нѣтъ вещества, есть только коловоращеніе силъ, твердостьничто иное, какъ сопротивленіе, нѣтъ атома, а имѣется лишь поле напряженія. Нѣтъ плотности, вѣса, размѣра — есть только функціи различныхъ скоростей. Все живо разницей давленій, температуръ, потенціаловъ, массъ. Самое время течетьнеравномѣрно, а пространство мыслится въ многообразіи формъ. Вмѣсто одной мы знаемъ теперь множество математикъ. Мы существуемъ въ Космосѣ, гдѣ все теряется, ноничто не возникаетъ вновь. Свѣтъ, электричество, теплота — лишь многообразныя формы разложенія и распада.

Что же тогда человѣкъ, какъ не могильный червь?

Сама вселенная, мыслимая прежде человѣчествомъ, какъ единый организмъ, — теперь —ничто иное, какъ водопадъ сгорающихъ міровъ. Нѣтъ безсмертія, матерія кончена. Число міровъ исчерпано. Все бытіе мгновенно и случайно. Жизненные явленія — гребень волны между двумя безднами смерти. Возводя соборы космогоній, чело-

вѣкъ отображаетъ въ нихъ не внѣшній міръ, а только лишь грани своего незнанья. Вотъ почему я предпочитаю начать сызнова — быть вселенной и творцомъ, самому взрывать плугомъ цѣлину земли. Вотъ почему я зажигаю самъ свой свѣтильникъ, сознавъ себя божественнымъ и вѣчнымъ. Къ тому же, я не обольщаюсь и въ этомъ, счастливый уже тѣмъ, что могу лицезрѣть — солнце, твердь и море — три начала, двинувшія человѣческій разумъ по пути творчества и достиженій. Прими это, какъ бредъ одинокаго чудака и не взыщи за болтливость.

Знаешь ли ты Тесьминова ? Весьма извѣстнаго композитора Тесьминова, Николая Васильевича? Во всякомъ случаѣ, ты долженъ быть знакомъ съ его музыкой. Она, несомнѣнно, нравится тебѣ, изощренному цѣнителю архитектурности формъ въ искусствѣ. Тесьминовъ безукоризненный зодчій, вѣнѣ зависимости отъ того, что онъ строить. Прослушавъ его у себя два раза (онъ поселился мѣсяцъ тому назадъ въ Хараксѣ и почель долгомъ посѣтить меня), я откровенно высказалъ ему это впечатлѣніе, но видимо оно скорѣе огорчило, чѣмъ обрадовало его. Вотъ художникъ (я его почти не знаю, какъ человѣка), внѣшній обликъ котораго неотдѣлимъ отъ его творчества. Въ этомъ большая радость.

Я смотрѣлъ на его руки, движенія корпуса, черты его лица, — духъ несоответствій не коснулся ихъ. Боявшись увидѣть за этимъ гармоничнымъ обликомъ мятущійся хаосъ современаго калѣки.

Но гений случая играетъ нами. Пять дней назадъ, купаясь съ лодки въ морѣ, Тесьминовъ пытался взобраться на валунъ, которому легенда дала имя святой Евпраксіи. Пальцы не удержали скользкій камень и въ своемъ паденіи музыкантъ

обезобразилъ обѣ острѣе зубья шифера свое лицо. Его принесли на носилкахъ ко мнѣ, гдѣ ему подали первую помощь. Ушибъ оказался неопаснымъ, но докторъ сказалъ мнѣ, что шрамъ на лицѣ Тесьминова останется до конца его дней. Одна багровая линія, точно проложенная рукою неудовлетвореннаго художника, бороздитъ справа нальво отъ лба до подбородка, черезъ переносицу, когда-то безупречный въ своихъ пропорціяхъ ликъ.

Я стараюсь, какъ можно рѣже посѣщать большого, которому теперь значительно лучше. Мнѣ не столько жаль человѣка (признаюсь тебѣ въ этомъ), сколько нарушенную гармонію. Но Тесьминовъ, кажется, не паль духомъ, онъ до странности веселъ. Эта веселость еще больше безобразитъ его. Онъ говоритъ, что счастливо отдался, такъ какъ руки его не повреждены, — и мечтаетъ о новыхъ творческихъ достиженияхъ. Дитя, онъ не сознаетъ, что его прелесть, его талантъ — въ нерушимой сліянности созданія и мастера. Только мудрецъ въ уродствѣ своемъ можетъ быть прекраснымъ. Но въ чемъ очарованіе искalъченного человѣка? Онъ вызываетъ только жалость, чувство, чуждое суровому искусству. Если Тесьминовъ теперь попытается сыграть мнѣ что-нибудь, мнѣ не переносимо будетъ его слушать. Но, къ счастью, докторъ прописалъ ему полный покой, рекомендовавъ въ ближайшіе же дниѣѣхать въ Москву для болѣе успѣшнаго леченія раненій. Отъ души желаю ему вернуть утраченное равновѣсіе плоти и творящаго духа. Человѣкъ не рождается дважды.

Не кажется ли тебѣ, что этотъ эпизодъ, переданный мною, какъ отраженіе мимо текущей жизни — въ какой-то своей глубинной сущности, связанъ съ тѣмъ, что я тебѣ написалъ раньше. Я по-

и́ытаюсь сегодня ве́черомъ додумать это до кон-
ца, а сейчасъ ставлю послѣднюю точку.

Неизмѣнно твой

Валентинъ.

Конецъ.

Серія II

“ВЕСЕЛАЯ БИБLIОТЕКА”

М. Зощенко. Бракъ по разсчету. 3. —

В. Дорошевичъ. Ивановъ Павель. 3. —

Серія III

“БИБLIОТЕКА ПОЭТОВЪ”

С. Есенинъ. Мой путь. Стихи. 3. 50

“МОСКВА И МОСКВИЧИ”

Вл. Гиляровскій. Трущобы Хитрова рынка. 3. —

Печатаются:

Сухаревка. Московскіе трактиры.

IMPRIMERIE SCIENTIFIQUE

ET COMMERCIALES

4, Rue Félix-Faure, Paris (XVe)

Téléphone Vaugirard 21-34